

ISSN 2949-5091 (print)
ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

MOSCOW LAW JOURNAL

2025 № 3

ISSN 2949-5091 (print)

2025 / № 3

ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Московский юридический журнал» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки, 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки, 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Moscow Juridical Journal” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.1.1 – Theoretical and Historical Legal sciences, 5.1.2 – Public Law (State law) sciences, 5.1.3 – Private Law (Civillistic) sciences, 5.1.4 – Criminal Law sciences.

ISSN 2949-5091 (print)

2025 / № 3

ISSN 2949-513X (online)

MOSCOW JURIDICAL JOURNAL

Учредитель журнала «Московский юридический журнал»:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Петручак Л. А. — д-р юрид. наук, проф., Государственный университет просвещения; советник ректората, первый проректор — проректор по образовательной деятельности, Московский государственный лингвистический университет; Академик РАЕН

Заместитель главного редактора:

Ермаков Д. Н. — д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин М. Ю. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет;

Голубцов В. Г. — д-р юрид. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Емелина Л. А. — канд. юрид. наук, доцент, РАНХиГС (Президентская академия);

Иванчин А. В. — д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;

Клебанов Л. Р. — д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Крохина Ю. А. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Лаптева Л. Е. — д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия);

Лукьянова Е. Г. — д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия);

Образцов А. В. — канд. юрид. наук, доцент, Государственный университет просвещения;

Павликов С. Г. — д-р юрид. наук, проф., Российская государственная академия интеллектуальной собственности;

Пастухова Н. Б. — д-р юрид. наук, доцент, Российский центр научной информации;

Петрянин А. В. — д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации;

Ручкина Г. Ф. — д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;

Савина В. С. — д-р юрид. наук, проф., РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Цинделиани И. А. — канд. юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия;

Чепунов О. И. — д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

Рецензируемый научный журнал «Московский юридический журнал» — печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционного и муниципального права, гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права, уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юристам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Московский юридический журнал» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.lawmgoujournal.ru).

При цитировании ссылка на «Московский юридический журнал» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Московский юридический журнал. — 2025. — № 3. — 64 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.lawmgoujournal.ru

Founder of "Moscow Juridical Journal"
Federal State University of Education

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

L. A. Petruchak – Dr. Sci. (Law), Prof., Federal State University of Education; Advisor to the Rector's Office, First Vice-Rector-Vice-Rector for Educational Activities, Moscow State Linguistic University; Academician of the Russian Academy of Natural Sciences;

Deputy editor-in-chief:

D. N. Ermakov – Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Economics), Prof., Federal State University of Education

Editorial Board:

M. Yu. Voronin – Dr. Sci. (Law), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. G. Golubtsov – Dr. Sci. (Law), Prof., Perm State National Research University;

L. A. Emelina – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Ivanchin – Dr. Sci. (Law), Prof., P. G. Demidov Yaroslavl State University;

L. R. Klebanov – Dr. Sci. (Law), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

Yu. A. Krokhhina – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. E. Lapteva – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

E. G. Lukyanova – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Obrastsov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Federal State University of Education

S. G. Pavlikov – Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State Academy of Intellectual Property;

N. B. Pastukhova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian Center for Science Information;

A. V. Petryanin – Dr. Sci. (Law), Prof., Investigative Committee of Russia;

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation;

V. S. Savina – Dr. Sci. (Law), Prof., Plekhanov Russian University of Economics;

I. A. Tsindeliiani – Cand. Sci. (Law), Prof., Assoc. Prof., Russian State University of Justice;

O. I. Chepunov – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

The Peer-reviewed scientific "Moscow Juridical Journal" is a printed edition that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, postgraduate students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The journal "Moscow Juridical Journal" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77 - 73343).

The subscription index of the "Jurisprudence" series is 40735 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.lawmgoujournal.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Moscow Juridical Journal. – 2025. – No. 3. – 64 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.lawmgoujournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Аманкаева О. Х., Сердюк А. В.* Правовой плюрализм в действии: обычное право в практике горских словесных судов (Северный Кавказ, 1870–1917 гг.) 6
- Кодинцев А. Я., Винниченко Е. О.* Исследования истории советских региональных прокуратур в XX веке 13

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Васильев С. А.* Правоотношения в сфере здравоохранения через призму юридической теории 21
- Войтович Е. А.* Эволюция конституционно-правового статуса аборигенов Австралии: от конституционного исключения к конституционному признанию 31
- Кудрин А. С.* К вопросу о коллективном договоре как позитивной форме взаимодействия между государством, наёмным трудом и капиталом в период формирования трудового права в России 39
- Ракитская И. А.* Особенности института омбудсмана в Королевстве Бахрейн. 47

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Тетерин С. М., Мерзлякова В. А.* Современные аспекты уголовно-правового регулирования института деятельного раскаяния 56

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>O. Amankaeva, A. Serdyuk.</i> Legal Pluralism in Action: Customary Law in the Practice of the Highland Verbal Courts (North Caucasus, 1870–1917)	6
<i>A. Kodintsev, E. Vinnichenko.</i> Research on the History of Soviet Regional Prosecutor's Offices in the 20 th Century	13

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>S. Vasiliev.</i> Medical Legal Relations Through the Prism of the Legal Theory	21
<i>E. Voitovich.</i> The Evolution of the Constitutional and Legal Status of Indigenous Australian: From Constitutional Exclusion to Constitutional Recognition	31
<i>A. Kudrin.</i> On The Collective Agreement as a Positive Form of Interaction Between the State, Wage Labor and Capital During the Formation of Labor Law in Russia	39
<i>I. Rakitskaya.</i> The Ombudsman Institution in the Kingdom of Bahrain	47

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>S. Teterin, V. Merzlyakova.</i> Modern Aspects of Criminal Law Regulation of the Active Repentance Institution	56
---	----

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.141

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-3-6-12

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ: ОБЫЧНОЕ ПРАВО В ПРАКТИКЕ ГОРСКИХ СЛОВЕСНЫХ СУДОВ (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, 1870–1917 ГГ.)

Аманкаева О. Х.*, Сердюк А. В.

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева

г. Москва, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: oksana_molokaeva@mail.ru*

Поступила в редакцию 14.09.2025

После доработки 06.10.2025

Принята к публикации 18.10.2025

Аннотация

Цель. Изучение феномена горских словесных судов как ключевого института легализации и трансформации обычного права (адата) в правовой системе Российской империи на Северном Кавказе.

Процедура и методы. Основной метод исследования – историко-правовой. Проведён анализ архивных материалов, законодательных актов и дореволюционных этнографических сборников.

Результаты. Показано, что суды, формально применявшие адат, на практике создавали гибридную правовую реальность – «судебный обычай».

Теоретическая и/или практическая значимость. Судебный обычай рассматривается как стратегический инструмент имперского управления, обеспечивавший интеграцию региона через контролируемое признание и модификацию местных правовых норм. Основное внимание уделяется процедуре вынесения решений, выявлению механизмов селекции норм адата и анализу конфликта интерпретаций между имперской администрацией, носителями традиции и исламским правом (шариатом).

Ключевые слова: горский словесный суд, обычное право, адат, правовой плюрализм, Российская империя, Северный Кавказ, судебная практика, судебный обычай

Для цитирования:

Аманкаева О. Х., Сердюк А. В. Правовой плюрализм в действии: обычное право в практике горских словесных судов (Северный Кавказ, 1870–1917 гг.) // Московский юридический журнал. 2025. № 3. С. 6–12. DOI: 10.18384/2949-513X-2025-3-6-12.

Original research article

LEGAL PLURALISM IN ACTION: CUSTOMARY LAW IN THE PRACTICE OF THE HIGHLAND VERBAL COURTS (NORTH CAUCASUS, 1870–1917)

O. Amankaeva*, A. Serdyuk

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author; e-mail: oksana_molokaeva@mail.ru*

© CC BY Аманкаева О. Х., Сердюк А. В., 2025.

Received by the editorial office 14.09.2025

Revised by the author 06.10.2025

Accepted for publication 18.10.2025

Abstract

Aim. To study the phenomenon of Highland verbal courts as a key institution for the legalization and transformation of customary law (adat) in the legal system of the Russian Empire in the North Caucasus.

Methodology. The main research method is historical and legal. Analysis of archival materials, legislative acts and pre-revolutionary ethnographic collections was carried out.

Results. The authors show that courts that formally applied adat in practice created a hybrid legal reality that is a “judicial custom.”

Research implications. A judicial custom is examined as a strategic instrument of imperial governance, ensuring regional integration through the controlled recognition and modification of local legal norms. The focus is on the procedure for adjudication, identifying the mechanisms for selecting adat norms, and analyzing the conflicting interpretations between the imperial administration, traditionalists, and Islamic law (Sharia).

Keywords: Highland verbal court, customary law, adat, legal pluralism, Russian Empire, North Caucasus, judicial practice, judicial custom

For citation:

Amankaeva, O. Kh. & Serdyuk, A. V. (2025). Legal Pluralism in Action: Customary Law in the Practice of the Highland Verbal Courts (North Caucasus, 1870–1917). In: *Moscow Juridical Journal*, 3, 6–12. DOI: 10.18384/2949-513X-2025-3-6-12.

Введение

Интеграция Северного Кавказа в административно-правовое пространство Российской империи во второй половине XIX в. представляет собой сложный процесс, в котором стратегия прямой инкорпорации общеимперских правовых норм сочеталась с тактикой адаптивного использования местных правовых институтов. Одним из наиболее ярких проявлений последней стало создание в 1870 г. системы горских словесных судов в Терской и Кубанской областях. Эти суды, в компетенцию которых входило разрешение гражданских и части уголовных споров между горским населением на основании народных обычаев, стали уникальным примером имперского правового плюрализма.

Целью данного исследования является комплексный анализ практики применения обычного права (адата) горскими словесными судами. Поставлена задача выявить не декларируемые, а реальные механизмы работы этого гибридного института, показав, как устные, ситуативные нормы адата трансформировались в про-

цессе их инкорпорации в формализованное судопроизводство. Исследование строится на гипотезе о том, что суды выступали не столько хранителями архаичного обычая, сколько активными сторонниками его модификации, создавая под контролем имперской администрации новую правовую конструкцию – «судебный адат».

Был проведён анализ архивных материалов, законодательных актов и дореволюционных этнографических сборников. Источниковая база исследования включает несколько блоков. Во-первых, это законодательные акты, определявшие статус судов: «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» 1870 г.¹ и последующие циркуляры². Во-вторых, ключевое значение имеют архивные материалы,

¹ Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанская справочная книжка. Екатеринодар, 1891.

² Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. VII. СПб., 1875. (Содержит циркуляры и разъяснения по применению Временных правил 1870 г.); Сборник сведений о кавказских горах. Тифлис, 1868–1881. (Содержит записи адатов, материалы переписки администрации).

прежде всего из фондов региональных архивов, таких как Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) и Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А), где сохранились отдельные дела и переписки, связанные с деятельностью судов. В-третьих, это опубликованные в дореволюционный период фундаментальные сборники обычного права, составленные такими исследователями, как Ф. И. Леонтович [1] и М. М. Ковалевский [2], которые служат незаменимым источником для реконструкции нормативного содержания адата. Наконец, используются работы современных историков и правоведов (Н. П. Магханова [3], З. Х. Мисроков [4], В. О. Бобровников [5]), глубоко исследовавших различные аспекты проблемы.

Горский словесный суд как институциональный компромисс: законодательные основы и структура

Учреждение горских словесных судов стало результатом осознания имперской администрацией невозможности мгновенной замены вековых устоев местного общества нормами общероссийского законодательства. После окончания Кавказской войны ключевой задачей стало обеспечение стабильного управления, что требовало известного компромисса с традиционными элитами и правовой культурой горских обществ. «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей», высочайше утверждённые 18 декабря 1870 г., зафиксировали этот компромисс в правовой форме.

Согласно статьям Временных правил, суды учреждались «для разбора тяжёлых и следственных дел, возникающих между туземцами», на основе «народных обычаев». Их юрисдикция была ограничена: они не могли рассматривать дела о важнейших уголовных преступлениях, а также споры, где одной из сторон выступало лицо некоренного, «русского» происхождения. Более того,

любое решение суда подлежало обязательному утверждению начальником области или уезда, что обеспечивало административный контроль. Эта конструкция явно указывала на подчинённое, вспомогательное положение судов в общей судебной системе.

Ключевым элементом, обеспечивавшим легитимность суда в глазах местного населения, был его состав. Суд состоял из председателя, назначаемого из числа русских офицеров или чиновников, и нескольких судей-«депутатов», избиравшихся горскими обществами из числа «почётных и опытных в обычаях людей». Как справедливо отмечал Ф. И. Леонтович [1], именно депутаты, знатоки адата, были реальными носителями правоприменительной компетенции, в то время как председатель олицетворял надзорную и процедурную власть империи. Таким образом, институциональный состав суда изначально закладывал внутреннее напряжение между имперской логикой формального контроля и традиционной логикой авторитета и обычая.

Адат в судебной процедуре: от устной традиции к письменному решению

Практическая деятельность судов предоставляет богатейший материал для изучения живого взаимодействия двух правовых систем. Основным источником права в заседаниях суда выступал неписанный, разнообразный и локально специфичный адат. Его кодификация только начиналась, и судьи-депутаты выступали в роли живых носителей и интерпретаторов традиции. Этот процесс фиксации устного права в рамках формального судопроизводства был, пожалуй, самой значительной трансформацией, которую осуществлял суд.

Анализ доступных архивных материалов и опубликованных случаев из практики судов¹ позволяет выделить основные категории дел, решавшихся на основе адата:

1) *брачно-семейные и наследственные споры*: дела о калыме (у осетин – ирад),

¹ ЦГА КБР Ф. 23. Оп. 1. Д. 12. Л. 3–4.; ЦГА КБР Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 3.; ЦГА РСО-Алания, Ф. 12. Оп. 3. Д. 1477. Л. 23.

приданом, разводе, опеке над детьми и, что особенно показательно, о наследстве. Применяемые нормы часто резко контрастировали с российским законодательством, особенно в части прав женщин. Например, по адату многих народов вдова имела право лишь на содержание, но не на долю в имуществе мужа, а дочери могли наследовать только при отсутствии сыновей;

2) *имущественные и земельные конфликты*: споры о границах земельных участков, потравках, кражах скота. Здесь часто применялись сложные системы компенсации, уходившие корнями в общинно-родовой уклад;

3) *уголовные дела, допускавшие примирение*: нанесение ран, оскорбление чести, убийства, не относившиеся к разряду важнейших. Центральным институтом было примирение (араб. сулх) через выплату компенсации – платы за кровь (кун), размер которой строго регламентировался обычаем в зависимости от тяжести обиды, пола и социального статуса потерпевшего.

Процедура превращала этот устный обычай в документ. Заседание велось устно (отсюда название «словесный»), но его ход и решение фиксировались письменно в протоколе на русском языке. Протокол, подписанный председателем и депутатами, после утверждения начальством приобретал силу исполнительного документа. В этом акте перевода локальной нормы на язык имперской бюрократии и заключалась суть легализации. Адат, облечённый в форму судебного решения, переставал быть лишь мнением старейшин и становился частью санкционированного государством правопорядка.

Яркой иллюстрацией является характерное дело из практики. В 1884 г. Нальчикский окружной суд (выступавший как апелляционная инстанция) рассматривал жалобу на решение горского словесного суда по делу о кровной мести между двумя кабардинскими фамилиями. Словесный суд, «руководствуясь народным адатом», постановил взыскать с виновной стороны в пользу рода убитого 25 лошадей, 50 голов крупного рогатого

скота и 1 000 рублей серебром. В своём определении Нальчикский суд, не оспаривая применения адата в принципе, указал, что взысканная сумма является «крайне обременительной» и не соответствует «духу смягчения жёстких обычаев», рекомендовав пересмотреть размер компенсации. Этот случай наглядно демонстрирует, как имперский контроль работал не через прямое отрицание адата, а через его коррекцию.

Необходимо признать, что среди всей массы судебных решений особняком стояли решения, связанные с нарушением сложившихся властных устоев. Здесь можно выделить решения, связанные с противодействием российским чиновникам, нарушение паспортного режима, преступления против местных князей. В связи с особым статусом этих нарушений данные дела рассматривались коллегиально, а в зависимости от тяжести последствий и серьёзности проступка материалы передавались во Владикавказский окружной суд [6].

Селекция и модификация: рождение «судебного обычая»

Административный контроль над решениями судов был не единственным механизмом трансформации адата. Более тонким и фундаментальным был процесс внутренней переработки обычного права в ходе его постоянного применения в формализованной процедуре. Повторяясь в схожих ситуациях, решения судов постепенно кристаллизовались в устойчивую, предсказуемую практику. Этот феномен современные исследователи вслед за М. М. Ковалевским определяют как формирование «судебного обычая» [7].

Судебный обычай отличался от традиционного адата несколькими ключевыми чертами:

1) *унификация*: множество локальных вариантов обычая, действовавших в разных аулах и обществах, в практике окружного суда постепенно нивелировались, уступая место более единообразным практикам;

2) *фиксация*: устная, гибкая норма, зависевшая от конкретных обстоятельств и авторитета старейшин, превращалась в фиксированный прецедент, на который можно было ссылаться в аналогичных делах;

3) *рационализация*: имперская администрация, как видно из циркуляров, последовательно проводила линию на искоренение обычаев, считавшихся «противными христианской морали и общегосударственной пользе». Под эту критику попадали не только кровная месть, но и некоторые аспекты семейного права, например, обычай левирата (женитьба брата на вдове умершего) или крайне ранние браки.

Таким образом, суд выступал в роли фильтра. С одной стороны, он легитимировал адат, придавая ему государственную силу. С другой – он же осуществлял его селекцию, отсекая или смягчая те нормы, которые вступали в непримиримое противоречие с имперскими представлениями о порядке и справедливости. Результатом стала не консервация архаики, а рождение новой, гибридной правовой реальности, которая была приемлема как для имперской власти (поскольку контролировалась), так и для местного общества (поскольку апеллировала к традиции).

Поле правовых переговоров: адат, шариат и имперский закон

Практика горских словесных судов была ареной не только сотрудничества, но и постоянного соперничества различных нормативных систем. Главными конкурентами адата выступали шариат и в меньшей степени прямое российское законодательство [8].

Конфликт адата и шариата был давним и глубоким. Мусульманское право, в особенности в сфере семейных отношений, наследства и некоторых видов правонарушений, предлагало альтернативную, часто более разработанную и письменную систему норм. Горцы, особенно в Дагестане и Чечне, часто обращались к кадиям (шариатским судьям) параллельно или вместо словесного суда. Российская администра-

ция, опасаясь усиления влияния мусульманского духовенства, сознательно делала ставку на адат как на светское, более гибкое и, как ей казалось, более податливое для модификации право. В инструкциях судам предписывалось руководствоваться исключительно адатом, а не шариатом. Однако на практике полностью разделить их было невозможно, и многие «депутаты» судов были одновременно знатоками и того, и другого.

Конфликт с общеимперским законодательством носил иной характер. Он возник не на уровне конкуренции юрисдикций, а на уровне ценностных коллизий при утверждении решений [9]. Начальники областей, получив протокол суда, нередко отказывались его утверждать, мотивируя это явной несправедливостью решения с точки зрения российских правовых принципов. Чаще всего это касалось дел о правах женщин и детей. Российский чиновник, воспитанный в духе пореформенного законодательства, с трудом мирился с нормами, фактически лишавшими женщину имущественных прав. Подобные коллизии заставляли суды искать компромиссные формулы, что также вело к постепенной эрозии чистого адата.

Таким образом, суд был не пассивным регистратором обычая, а площадкой правовых переговоров, где сталкивались и взаимно адаптировались три мощных нормативных потока: локальная традиция, религиозный закон и имперские установления.

Заключение

Исследуя вопросы становления российской власти на Северном Кавказе, можно выделить два важных аспекта. Во-первых, Северный Кавказ в тот период представлял собой достаточно неоднородный регион. Обитавшие в нём народы отличались друг от друга в политическом, социальном, экономическом, религиозном и культурном плане. Во-вторых, что немаловажно, хронология и форма присоединения к Российской империи у каждого народа

Северного Кавказа были разными. При наличии этих двух составляющих единый подход к формам управления в полиэтническом регионе был практически невозможен.

Так, в Дагестане в рассматриваемый период была распространена практика утверждения в должности местной знати актом Его Императорского Величества. Аналогичные тенденции можно наблюдать в Чечне и Ингушетии.

Достаточно динамично в первой половине XIX в. происходило становление российской администрации в Кабарде. Сразу необходимо отметить, что наибольших успехов в плане утверждения своей власти российское самодержавие достигло именно здесь. Любой шаг, связанный с управленческими функциями, решался либо представителями администрации, либо по согласованию с ними. Такая ситуация в Кабарде, на наш взгляд, была вызвана тем, что освоение Северного Кавказа началось именно с равнинной Кабарды [10].

Анализ практики горских словесных судов позволяет сделать несколько выводов принципиального значения для понимания механизмов имперского управления на национальных окраинах.

Во-первых, эти суды были не анахронизмом или уступкой «отсталости» горцев, а продуманным инструментом управляемого правового плюрализма. Империя, признавая адат, не отказывалась от своего суверенитета, а, напротив, укрепляла его, подчиняя местный правопорядок процедурам административного контроля и судебного утверждения.

Во-вторых, результатом деятельности судов стало не сохранение обычного права в неизменном виде, а его глубокая трансформация. Возник феномен «судебного адата» – гибридной правовой формы, в которой традиционные нормы были рационализированы, унифицированы и адаптированы к имперским представлениям о приемлемом. Это был правообразующий процесс, в ходе которого создавалось новое обычное право, уже оторванное от непосредственной устной традиции и встроенное в бюрократическую машину государства.

В-третьих, суды выступали важнейшим механизмом легальной аккультурации. Через ежедневную практику разрешения споров горское население постепенно привыкало к таким имперским институтам, как письменное судопроизводство, апелляция, бюрократическая иерархия. При этом формальная апелляция к адату смягчала восприятие этих новшеств как чуждого насилия.

Опыт горских словесных судов на Северном Кавказе демонстрирует, что успешная интеграция разнородных регионов в составе империи часто достигалась не через грубую унификацию, а через гибкое использование местных институтов, их постепенную модификацию и подчинение общеимперским целям контроля и управления. В этом смысле изучение их практики выходит за рамки сугубо кавказоведческой проблематики, предлагая ценные модели для анализа имперского правового строительства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1, 2. Одесса: Тип. П. А. Зелёного, 1882–1883. 833 с.
2. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1, 2. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1890. 594 с.
3. Матханова Н. П. Горские словесные суды в системе управления Северным Кавказом (вторая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 44–50.
4. Мисроков З. Х. Адат и шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М.: Изд-во Московского университета, 2002. 256 с.
5. Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература, 2002. 368 с.
6. Сердюк А. В. Проведение судебной реформы 1864 года на Северном Кавказе на примере Кабарды и Балкарии // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 73–75.

7. Маремкулов А. Н. Принцип справедливости как основополагающий принцип обычного права (на примере народов Северного Кавказа) // Аграрное и земельное право. 2024. № 12. С. 60–62. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_15_60
8. Маремкулов А. Н. Временные изъятия как механизм интеграции обычного права в российское законодательство в XIX веке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 18–23. DOI: 10.22394/2074-7306-2024-1-4-18-23
9. Маремкулов А. Н. К вопросу судостроительства и судопроизводства народов Кавказа в XIX веке (по материалам (актам) полного собрания Законов Российской империи) // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2025. № 1. С. 171–177. DOI: 10.36684/chesu-2025-1-57-171-17
10. Сердюк А. В. Развитие судебной системы на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: РГУП, 2020. 188 с.

REFERENCES

1. Leontovich, F. I. (1882–1883). *Adaty Caucasian Highlanders. Materials on the Customary Law of the North and East Caucasus. Iss. 1, 2*. Odessa: Type. P. A. Zelenoy publ. (in Russ.).
2. Kovalevsky, M. M. (1890). *Law and Customs in the Caucasus. Vol. 1, 2*. Moscow: A. I. Mamontov's publ. (in Russ.).
3. Matkhanova, N. P. (2016). Highland Verbal Courts in the North Caucasus Management System (Second Half of the 19th Century). In: *Bulletin of Tomsk State University*, 405, 44–50 (in Russ.).
4. Misrokov, Z. Kh. (2002). *Adat and Sharia in the Russian Legal System. Historical Fates of Legal Pluralism in the North Caucasus*. Moscow: Moscow University Publ. (in Russ.).
5. Bobrovnikov, V. O. (2002). *Muslims of the North Caucasus: Custom, Law, Violence. Essays on the History and Ethnography of the law of Nagorny Dagestan*. Moscow: Vostochnaya literatura publ. (in Russ.).
6. Serdyuk, A. V. (2014). Carrying out the Judicial Reform of 1864 in the North Caucasus on the Example of Kabarda and Balkaria. In: *Gaps in Russian Legislation*, 5, 73–75 (in Russ.).
7. Maremkulov, A. N. (2024). The Principle of Justice as a Fundamental Principle of Customary Law (On the Example of the North Caucasus Society). In: *Agrarian and Land Law*, 12, 60–62. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_15_60 (in Russ.).
8. Maremkulov, A. N. (2024). Temporary Exemptions as a Mechanism for Integrating Customary Law into Russian Legislation in the 19th Century. In: *North Caucasus Legal Vestnik*, 4, 18–23. DOI: 10.22394/2074-7306-2024-1-4-18-23 (in Russ.).
9. Maremkulov, A. N. (2025). On the Judicial System and Legal Proceedings of the Caucasus Society in the 19th Century (Based on the Materials (Acts) of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire). In: *Bulletin of Kadyrov Chechen State University*, 1, 171–177. DOI: 10.36684/chesu-2025-1-57-171-17 (in Russ.).
10. Serdyuk, A. V. (2020). *Development of the Judicial System in the North Caucasus (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)*. Moscow: RGUP publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аманкаева Оксана Хараевна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права им. Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева;
e-mail: oksana_molokaeva@mail.ru

Сердюк Анна Владимировна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории права и государства Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева;
e-mail: 89151240202@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana Kh. Amankaeva (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional Law named after N. V. Vitruk, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev;
e-mail: oksana_molokaeva@mail.ru

Anna V. Serdyuk (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of History of Law and State, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev;
e-mail: 89151240202@mail.ru

Научная статья

УДК 349.4

DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-13-20

ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОКУРАТУР В XX ВЕКЕ

Кодинцев А. Я.^{1*}, Винниченко Е. О.²

¹Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
Санкт-Петербургский институт (филиал), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: balsak1@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.08.2025

После доработки 12.09.2025

Принята к публикации 29.09.2025

Аннотация

Цель. История региональной советской прокуратуры в трудах советских и российских исследователей XX в.

Процедура и методы. Исследование проводилось по материалам правовых и историко-правовых научных работ, выходивших в 1950–1990-е гг., с применением проблемно-хронологического и формально-юридического методов исследования.

Результаты. В работе рассматриваются представления советских и современных учёных-правоведов и историков об истории и природе прокурорского надзора и прокуратуры в СССР. Отмечаются неоднозначность и противоречивость изучения истории советской юстиции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данное исследование вносит вклад в изучение деятельности советских надзорных и обвинительных органов. Статья может быть полезна специалистам по истории и организации юстиции.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, законность, общий надзор, историография

Для цитирования:

Кодинцев А. Я., Винниченко Е. О. Исследования истории советских региональных прокуратур в XX веке // Московский юридический журнал. 2025. № 3. С. 13–20. DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-13-20.

Original research article

RESEARCH ON THE HISTORY OF SOVIET REGIONAL PROSECUTOR'S OFFICES IN THE 20TH CENTURY

A. Kodintsev^{1*}, E. Vinnichenko²

¹All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg
Institute (Branch), St. Petersburg, Russian Federation

²Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: balsak1@yandex.ru

Received by the editorial office 15.08.2025

Revised by the author 12.09.2025

Accepted for publication 29.09.2025

Abstract

Aim. In the study, the history of Soviet regional prosecutor's offices in the works of 20th century Soviet and Russian researchers is explored.

Methodology. The study was conducted based on legal and historical-legal studies published between the 1950s and 1990s, using problem-chronological and formal-legal research methods.

Results. The views of Soviet and contemporary legal scholars and historians on the history and nature of prosecutorial oversight and the prosecutor's office in the USSR are examined. The study of the history of Soviet justice is characterized by ambiguity and contradictions.

Research implications. The research conducted contributes to the study of the activities of Soviet supervisory and prosecutorial bodies. The article may be useful for specialists in the history and organization of justice.

Keywords: prosecutor's office, prosecutorial oversight, legality, general oversight, historiography

For citation:

Kodintsev, A. Ya. & Vinnichenko, E. O. (2025). Research on the History of Soviet Regional Prosecutor's Offices in the 20th Century. In: *Moscow Juridical Journal*, 3, 13–20. DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-13-20.

Введение

История советской прокуратуры является объектом пристального внимания историков и юристов. Несмотря на обширный объём трудов по истории прокуратуры, который, например, превышает количество работ по нотариату и адвокатуре, почему-то существует очень немного историографических обзоров по советской прокуратуре. Между тем работы по истории региональных прокуратур были популярны и в советское время, и сейчас.

В 2015 г. А. С. Вернов (Кемерово) постарался осмыслить поток публикаций о советской прокуратуре. Исследователь, на наш взгляд, верно подметил основные историографические колебания вокруг советской прокуратуры [1]. На историографической ниве «отметился» один из самых продуктивных историков прокуратуры – В. В. Фролов. Вышла его публикация об историографии поздней советской прокуратуры [2]. Учёный констатировал, что период 1955–1991 гг. исследован очень мало и плохо. Мы с ним согласны.

Целью нашего исследования является история региональной советской прокуратуры в трудах советских и российских исследователей XX в. Задачами работы являются: установление групп исследователей, занимающихся изучением прокуратуры; определение эволюции накопленных

знаний и перехода их из эмпирических описаний в научные труды. Исследование проводилось по материалам правовых и историко-правовых научных работ, вышедших в 1950–1990-е гг., с применением проблемно-хронологического и формально-юридического методов исследования. Проблемно-хронологический подход позволяет проследить исследования прокуратур на протяжении определённого периода и одновременно распределить их по проблематике прокурорского надзора и обвинения.

Объём исследований по истории советской прокуратуры насчитывает сотни трудов. Мы вынуждены ограничиться изучением истории только региональных прокуратур, которая сама по себе настолько масштабна, что пришлось разделить её на разные временные периоды – XX в. и наша эпоха. На первом этапе (в прошлом веке) происходило первоначальное накопление знаний о советской эпохе законности – этому периоду и посвящена данная работа.

**Региональные публикации
о прокуратуре в советское время**

С 1950-х гг. новым явлением советской историографии и правоведения стали многочисленные работы по истории региональных прокуратур. Авторы в то время получили ограниченный до-

ступ к архивным материалам за 1920-е гг. (позже и за другие годы). В основном это были материалы региональных архивов и архивов самих прокуратур (фонд Р-8131 (Генеральной прокуратуры СССР) Государственного архива РФ тогда был в основном засекречен). Используя небольшие архивные и свободные журнальные источники, специалисты стали проводить описательные исследования в границах, допустимых советской властью. Многие архивные материалы они получить не могли. Например, об уголовно-правовой статистике, о качестве работы прокуратуры, о кадровом составе органов юстиции, участии прокуроров в массовых уголовно-правовых кампаниях. Исследователи были ограничены темами по социалистической законности и прокурорскому надзору.

Так, в труде В. Г. Тимофеева было представлено формирование прокуратуры Чувашии в первые годы советской власти. Автор сообщал о коренизации прокуратуры, которая достигала в 1928 г. 72,7% (чуваши)¹. Описательная информация о прокуратуре содержалась в диссертации Ф. Ш. Насыбуллина (о Татарстане в 1920-е годы)². И. Х. Марина подготовила диссертацию о становлении прокуратуры в Сибири в 1922–1925 гг.³. К ней можно добавить работу А. П. Угроватова⁴. В юбилейной работе, подготовленной прокурорскими работниками Ленинграда, деятельность прокуратуры оценивалась положительно, подчёрчивались достижения и подвиги⁵.

¹ Тимофеев В. Г. Органы милиции, суда и прокуратуры Чувашии в борьбе за укрепление власти Советов, 1917–1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1976. 185 с.

² Насыбуллин Ф. Ш. Правоохранительные органы Татарии в период создания основ социализма (совершенствование структуры и деятельности): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1985. 214 с.

³ Марина И. Х. Прокуратура Сибири в период восстановления народного хозяйства СССР (1922–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974. 21 с.

⁴ Угроватов А. П., Юров Г. Ф. Реализация прокуратурой Сибирского края компетенции по укреплению социалистической законности в период индустриализации (1926–1929 гг.) // Компетенция прокуратуры СССР: сб. тр. Свердловск, 1985. С. 124–133.

⁵ 50 лет Советской прокуратуры. По материалам про-

В 1956 г. вышла диссертация по истории украинской прокуратуры Д. Т. Яковенко. В ней автор охватывал первые годы её существования⁶. Вскоре вышла серия работ А. И. Рогожина, в которых описывался переход к социалистической законности на Украине в начале 1920-х гг.⁷. В числе прочего учёный изложил историю коллегии обвинителей на Украине до 1922 г. – предшественника прокуратуры. В 1950 г. автор защитил диссертацию по соэзаконности на Украине в годы Гражданской войны. В 1987 г. вышла диссертация С. И. Власенко. Вторая глава работы целиком посвящена становлению прокуратуры УССР в 1922–1925 гг. Описывая структуру украинской прокуратуры, Власенко не находил в ней отдельного подразделения по работе прокурора в суде. Надзор почти полностью поглощал работу прокуратуры⁸. Исследователь И. С. Дрейслер много лет писал работы о законности в УССР. Одна из последних работ была опубликована в 1986 г. В ней он излагал традиционную тему: характер взаимоотношений прокуратуры и общественности в 1920–1930-е гг. в комплиментарной форме⁹. О развитии прокуратуры в переходный период от сталинской к хрущёвской модели юстиции в УССР писал В. А. Лопушанский¹⁰. Исторические работы по прокуратуре вы-

куратуры г. Ленинграда. Ленинград, 1972. 69 с.

⁶ Яковенко Д. Т. Создание и развитие советской прокуратуры в УССР // Вестник Киевского университета. 1958. № 1. С. 89–100; Яковенко Д. Т. Кадры прокуратуры Украинской ССР в первые годы и её деятельность // Вестник Киевского университета. Серия экономика и право. 1959. № 2. С. 79–85.

⁷ Рогожин А. И. Очерк истории социалистической законности УССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Харьков, 1963. С. 108–111.

⁸ Власенко С. И. Правоохранительные органы Украинской ССР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 г.): дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1987. 217 с.

⁹ Дрейслер И. С. Из истории создания прокуратуры и развития её связей с общественностью (на материале УССР) // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 126–130.

¹⁰ Лопушанский Ф. А. Органы прокуратуры Украинской ССР в 1953–1958 гг. // Проблемы прокурорского надзора. М., 1972. С. 284–287.

полняли И. Корсак¹ и Д. С. Суло². В обширном исследовании М. И. Настюк представлена история становления органов юстиции в западных районах Украины, занятых Украинским фронтом в 1939 г.³.

Первые работы о белорусской прокуратуре выходили с 1950-х гг.⁴. И. И. Мартинович описала формирование прокуратуры в первые годы нэпа. Она же продолжила своё исследование и выполнила описательную работу по истории прокуратуры⁵. Появилось специализированное исследование по истории прокуратуры Белоруссии⁶ – диссертация С. И. Журомского (1979)⁷.

А. А. Альдекеев подготовил диссертацию⁸ и монографию по истории прокуратуры Казахстана. Работа была построена по классическому для советских работ подходу⁹. В 1972 г. по Казахстану вышел юбилейный прокурорский сборник¹⁰. В 1967 г.

появилась первая диссертация о туркестанской прокуратуре¹¹. В Туркмении защитил диссертацию по ранней прокуратуре С. А. Табатадзе¹². В хорошем исследовании учёный показал первые годы становления туркменской прокуратуры и выделил специфику работы среднеазиатской прокуратуры¹³. Правда, автор не использовал архивных материалов и поэтому не смог объективно оценить качество работы прокуратуры. По Узбекистану выходили исследования В. Зотова¹⁴ и М. Касымовой¹⁵. Вышел юбилейный сборник по истории прокуратуры Узбекистана¹⁶.

История азербайджанской прокуратуры была описана в хорошем исследовании 1963 г.¹⁷. Её автор А. И. Ибрагимов продолжил исследования о прокнадзоре¹⁸. Чуть раньше он защитил диссертацию по истории прокуратуры Азербайджана¹⁹. Близкая по характеру диссертация была защищена С. С. Мамян по истории прокуратуры Армянской ССР²⁰. В Грузии историей прокуратуры занимался А. Я. Палиашвили²¹.

¹ Корсак И. Из истории организации прокуратуры УССР // Радянське право. 1967. № 5. С. 10–15.

² Суло Д. С. Из истории прокуратуры Советской Украины // Проблемы правоведения. Вып. 7. Киев, 1967. С. 87–100.

³ Настюк М. И. Становление и развитие органов юстиции и прокуратуры в западных областях УССР (1939–1941 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1977. 199 с.

⁴ Гапанович М. М. Из истории основания прокуратуры в БССР // Известия АН БССР. Серия общественных наук. 1959. № 4. С. 121–128.

⁵ Мартинович И. И., Дорогин В. А., Борзова К. А. Очерки истории государства и права БССР. Вып. 2. Минск: БелГУ, 1969. 237 с.; Мартинович И. И., Плюта Е. Ф. Суд и правосудие в БССР. Минск: Изд-во БГУ, 1977. 168 с.; Мартинович И. И. Становление прокурорского надзора в Белорусской ССР // Совершенствование прокурорского надзора в СССР: сб. ст. М., 1973. С. 305–312.

⁶ Журомский С. И. Основные проблемы прокурорского надзора в БССР в годы индустриализации и коллективизации (1926–1932 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1979. 187 с.

⁷ Журомский С. И. Из истории прокуратуры Белорусской Республики. Научная информация по вопросам борьбы с преступностью // Проблемы прокурорского надзора. 1980. № 62. С. 119–128.

⁸ Альдекеев А. А. Становление и развитие прокуратуры Казахской АССР в период строительства социализма (1922–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1976. 23 с.

⁹ Альдекеев А. А. На страже законности. Становление и развитие прокуратуры Казахской ССР. Алма-Ата: Казахстан, 1981. 128 с.

¹⁰ Советник юстиции: сб. Алма-Ата: Казахстан, 1972. 115 с.

¹¹ Маннанов В. Р. Борьба за укрепление социалистической законности в Туркестанской АССР и создание советской прокуратуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1967. 19 с.

¹² Табатадзе С. А. Учреждение прокуратуры Туркменской ССР, её организация и деятельность в 1925–1929 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ашхабад, 1969. 27 с.

¹³ Табатадзе С. А. Создание Прокуратуры Туркменской ССР. Ашхабад, 1972. 66 с.

¹⁴ Зотов В. Из истории прокуратуры Узбекской ССР // Социалистическая законность. 1972. № 4. С. 28–29.

¹⁵ Касимова М. К истории создания и развития прокуратуры в Узбекистане // Общественные науки в Узбекистане. 1965. № 5. С. 49–52.

¹⁶ Адолат йўлида 70 йил = 70 лет на страже закона: [о Прокуратуре Узбекистана / авт.-сост. Ф. К. Киличев и др.]. Тошкент: Ўзбекистон, 1992. 235 с.

¹⁷ Ибрагимов Э. И. Азәрбајҹан ССР-дә мәкһәмә вә прокурорлугун тәшкили: дәрс вәсаити. Бақы: Азәртәдриснәшр, 1963. 190 с.

¹⁸ Ибрагимов А. И. Из истории прокуратуры Азербайджанской ССР // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. М., 1973. С. 319–234.

¹⁹ Ибрагимов А. И. Основные этапы развития советской прокуратуры Азербайджанской ССР: дис. ... канд. юрид. наук. Баку, 1952. 240 с.

²⁰ Мамян С. С. История прокуратуры Армянской ССР: дис. ... канд. юрид. наук. Ереван, 1947. 295 с.

²¹ Палиашвили А. Я. Прокуратура Грузии в 1930–1933 годах // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. М., 1973. С. 313–318.

Отдельной темой стала история создания советских прокуратур в новых западных районах СССР в предвоенный период. В тот момент, в отличие от гражданской войны, введение таких учреждений проходило по плану. Вместе с советскими войсками приезжали советские чиновники, в том числе судебные. Временно вводились кодексы РСФСР, БССР, УССР. Можно выделить работы Э. Я. Стумбиной. Автор стандартно перечислила преимущества советской прокуратуры перед буржуазной. Полезной информации в работе исследователя было мало¹. Например, рассматривая период 1945–1955 гг., Стумбина посвятила прокуратуре всего лишь полстраницы².

Стумбина плохо представляла период прокуратуры после принятия Положения о прокурорском надзоре СССР (1955). Так, например, она объявила, что до 1955 г. не было законодательного акта, в котором бы определялась структура прокуратуры. Между тем, как ещё в 1933 г. было принято и действовало Положение о Прокуратуре Союза ССР (утв. Пост. ЦИК и СНК СССР 17 декабря 1933 г.)³. Стумбина просто переписала нормативные акты по прокуратуре в послевоенный период. Она не смогла назвать структурные подразделения латвийской прокуратуры. Очевидно, она не была с ней знакома. Зачем-то большую часть текста она посвятила описанию Прокуратуры СССР⁴. По Латвийской прокуратуре также вышла работа С. Граужинис⁵.

В 1984 г. бывший прокурорский работник В. Ю. Раудсалу опубликовал серию заметок по истории эстонской юстиции. В том числе по прокуратуре⁶. В отличие от

Стумбиной – В. Ю. Раудсалу старался описать процесс становления прокурорских органов, определить степень их вовлечённости в уголовно-правовые кампании 1940–1941 гг. Причём почти весь состав прокуратуры Эстонской ССР был мобилизован в армию в августе 1941 г. Эвакуация республиканской прокуратуры происходила в последний момент и шла неудачно.

В своей работе В. Ю. Раудсалу подробно описал процесс восстановления прокурорских органов ЭстонССР с 1944 г. Он привлекал воспоминания бывших работников, описал гибель части сотрудников во время войны. Показал, как прокуроры и следователи проходили обучение, как шла реорганизация прокуратуры, как не хватало кадров, как прокуроры боролись за законность и пр. Аналогичная работа на материалах Литвы была подготовлена А. Г. Лякас⁷. По Молдавии был подготовлен прокурорский сборник в 1972 г.⁸.

Региональные исследования истории прокуратуры в 1990-е гг.

В 1990-е гг. количество исследований истории региональных прокуратур не только не уменьшилось, но, напротив, резко выросло. Этому способствовало открытие архивов. Учёные получили доступ к главному фонду Генеральной прокуратуры СССР (ф. Р-8131). Началось также быстрое рассекречивание фондов региональных органов юстиции. Исследователи буквально «устремились» к новым архивным делам. В первую очередь их интересовала прокурорская практика по репрессивным делам. При этом количество исследований по союзной прокуратуре было минимальным за последние 100 лет.

Очень хорошая работа была выполнена Р. Н. Зинуровым на материалах архивов

¹ Стумбина Э. Я. Суд и прокуратура Латвийской ССР (история и устройство). Рига, 1962. С. 56–60.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 130–145.

⁵ Граужинис С. Заметки о создании и развитии прокуратуры Латвийской ССР в 1945 и 1941 гг. // Учёные записки. Латв. гос. ун-т. Юридические науки. Вып. 44. Рига, 1962. С. 185–199.

⁶ Раудсалу В. Создание советской системы юстиции в Эстонии // Советское право. 1984. № 4. С. 276–281; Раудсалу В. Создание советской системы юстиции в Эстонии // Советское право. 1984. № 5. С. 333–339; Раудсалу В. Создание советской системы юстиции в

Эстонии // Советское право. 1985. № 2. С. 125–128; Раудсалу В. Создание советской системы юстиции в Эстонии // Советское право. 1985. № 3. С. 214–216.

⁷ Лякас А. Г. Создание прокуратуры Литовской ССР // Совершенствование прокурорского надзора в СССР: сб. ст. М., 1973. С. 333–339.

⁸ Служба справедливости. Очерки. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1972. 176 с.

Башкортостана¹. Работа представляла собой полноценное исследование. Была реконструирована кадровая система прокуратуры, показаны эволюция прокурорских структур, репрессии против прокуроров, качество работы прокуратуры за весь советский период и т. д. Была защищена диссертация С. Ж. Дугарова по прокуратуре Бурятии². В своих работах исследователь М. Е. Наймушин по материалам Коми разбирал, как медленно и тяжело проходило формирование прокурорских органов в районах Крайнего Севера³.

Очень хорошая работа по истории прокуратуры Верхневолжского региона была выполнена И. И. Олейник и О. Ю. Олейник. Так в работе 2002 г. Ирина Ивановна подробно описала степень вовлечённости прокуратуры в совместную с НКВД деятельность в годы Большого террора [3; 4]. В другой работе было отмечено кадровое состояние прокуратуры Ивановской промышленной области в 1930-е гг.⁴. Высокого качества работа была выполнена профессиональными учёными во главе с И. И. Олейник по прокуратуре Ивановской области [5]. В указанной работе авторы описали формирование областной прокуратуры, подробно проанализировали кадровую эволюцию прокурорской системы, определили карательную деятельность прокуратуры и степень её участия в массовых репрессиях, судьбы прокуратуры в поздний советский период и пр.

Продолжала выходить серия исследований по истории советской прокуратуры в бывших союзных республиках. Например,

работы по прокуратуре Таджикистана⁵ или прокурорский сборник по Белоруссии⁶.

Большую группу публикаций составляли юбилейные сборники региональных прокурорских историй, охвативших почти все территории нашей страны. Они, как правило, строились по единой схеме. Первая часть сборника включала историческую справку, а вторая часть отражала современное состояние прокурорских органов. Качество исторической части зависело от автора. Если подготовку работы проводил профессиональный историк, то труд зачастую отличается тщательной проработкой фактов, представлены иллюстрации документов, прокуратура вписана в контекст эпохи. Если работу составляли работники прокуратуры, качество было зачастую ниже. Пропадали большие периоды истории, региональная история подменялась российской, содержалось много рассказов о героизме прокуроров и т. п. Во многих случаях упомянутые сборники могли рассматриваться в качестве не исторических работ, а дополнительных источников для новых исследований.

К «прокурорским» работам, вышедшим в 1990-е гг., можно отнести исследования: по орловской⁷, татарской⁸, кубанской⁹, башкирской [6], саратовской [7], ростовской [8] прокуратурам.

Заключение

Советская историография прокуратуры отличалась значительным своеобразием.

¹ Прокуратура Республики Башкортостан: История и современность. Уфа: Слово, 1996. 158 с.

² Дугарова С. Ж. Органы суда, прокуратуры, милиции Бурятии в 1928–1932 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1998. 32 с.

³ Наймушин М. Е. Государственное строительство в Коми автономной области в 20-е годы: деятельность судебных и правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1997. С. 16–17.

⁴ Олейник И. И. Юристы и власть: кадры работников органов юстиции в 1929–1936 гг. (на материалах Ивановской промышленной области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1998. 21 с.

⁵ Мирзоева К. А. Становление и развитие органов прокуратуры и прокурорского надзора в Таджикистане (20-е – середина 30-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 21 с.; Кахаров А. А. Правоохранительная система Таджикской АССР (1924–1929 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 1999. 192 с.

⁶ Прокуратура Республики Беларусь, 1922–1997 / сост.: О. А. Божелко, В. М. Валюшко. Минск: Белфранс, 1997. 213 с.

⁷ История Прокуратуры Орловской области. Орёл: Труд, 1997. 156 с.

⁸ Нафиев С. Х. Прокуратура Татарстана: история и современность. Казань: Магариф, 1997. 208 с.

⁹ Бородин И. А., Дикая В. В. Очерки истории кубанской прокуратуры: мат. и док. Краснодар: Совет. Кубань, 1999. 326 с.

Главная особенность заключалась в том, что историю надзорного органа изучали, в первую очередь, бывшие работники правоохранительных органов, в основном той же прокуратуры. Уже советские работы, выполненные в основном бывшими работниками прокуратуры, разделились на юбилейные, положительные работы и научные, проработанные исследования. Все эти работы повторяли основные нарративы, заложенные в общесоюзных исследованиях: идея законности, создание прокуратуры, поиск оптимальной модели юстиции, роль прокурорского надзора и его разновидности, постепенное снижение роли надзора и возрастание роли обвинения в суде, героизм прокуроров в быту и на войне и т. п. Но обо всём этом исследователи писали не очень подробно. Главным образом, они сосредотачивались на описании прокурорских будней в региональной юстиции.

В современную эпоху работники прокуратуры, связанные своим статусом, продолжали выполнять общие работы, в которых деятельность органа законности подвергалась общему описанию с замалчиванием проблем и особенностей в её работе. Учёные-правоведы получили

возможность открыто описывать работу надзора и подробно рассмотрели её с позиций сущности и правового статуса. Работу учреждения они оценивали, как правило, критически. Историки подвергли с применением архивов разбор работы прокуратуры. Они реконструировали историю советской прокуратуры. К новым объектам исследования добавился кадровый вопрос, участие / неучастие прокуроров в массовых репрессиях, а также прокуратура как жертва преследований со стороны органов внутренних дел. Так как переход к новой более свободной модели исследования в 1990-е гг. только начался, говорить о полноценном исследовании региональных прокуратур в то время было ещё рано. Активные региональные исследования начались уже в XXI в.

Постепенно объём знаний о прокуратуре возрастал, и начал происходить качественный переход от описательных к аналитическим работам.

Наше исследование может помочь будущим учёным при разработке теоретико-правовых работ об особенностях развития региональных российских прокуратур, а также при составлении учебных работ по истории прокуратуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернов А. С. Проблема организации и функционирования советской прокуратуры в отечественной историко-правовой науке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-2. С. 187–190.
2. Фролов В. В. Органы советской прокуратуры в 1955–1991 гг.: современная историография проблемы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 10. С. 221–226.
3. Олейник И. И. Органы юстиции Верхневолжского региона в конце 1920-х – 1930-е гг.: ист.-пр. аспект. Владимир: Владимирский юридический институт, 2002. 195 с.
4. Олейник И. И. Прокуратура и прокуроры в период массовых репрессий (по материалам архивов Ивановской области) // Государство и право. 2004. № 2. С. 70–75.
5. Прокуратура Ростовской области на рубеже веков / под ред. С. Г. Устинова. Ростов-н/Д.: Экспертное бюро, 2000. 352 с.
6. Чеботарев А. А., Пестова О. А., Олейник И. И. На службе закону: очерк истории прокуратуры Ивановской области. Иваново: Иван. гос. энергет. ун-т, 2000. 325 с.
7. Геллерт Н. П. Прокуратура Саратовской области: История и современность. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 2001. 117 с.
8. Прокуратура против преступности: Страницы истории / сост. Р. Н. Зинуров. Уфа: Гилем, 2001. 137 с.

REFERENCES

1. Vernov, A. S. (2015). The Problem of the Organization and Functioning of the Soviet Prosecutor's Office in Domestic Historical and Legal Science. In: *Bulletin of Kemerovo State University*, 4-2, 187–190 (in Russ.).
2. Frolov, V. V. (2018). Bodies of the Soviet Prosecutor's Offices in 1955–1991: Modern Historiography of the Problem. In: *Concept*, 10, 221–226 (in Russ.).
3. Oleinik, I. I. (2002). *Justice Bodies of the Upper Volga Region in the Late 1920s – 1930s: Historical and Practical Aspect*. Vladimir: Vladimir Law Institute Publ. (in Russ.).
4. Oleinik, I. I. (2004). Prosecutors' Offices and Prosecutors During the Period of Mass Repressions (Based on the Materials of the Archives of the Ivanovo Region). In: *State and Law*, 2, 70–75 (in Russ.).
5. Ustinov, S. G., ed. (2000). *The Prosecutor's Office of the Rostov Region at the Turn of the Century*. Rostov-on-Don: Expert Bureau publ. (in Russ.).
6. Chebotarev, A. A., Pestova, O. A. & Oleinik, I. I. (2000). *In the Service of the Law: An Essay on the History of the Prosecutor's Office of the Ivanovo Region*. Ivanovo: Ivanovo State Power Engineering University publ. (in Russ.).
7. Gellert, N. P. (2001). *Prosecutor's Offices of the Saratov Region: History and Modernity*. Saratov (in Russ.).
8. Zinurov, N. N., ed. (2001). *Prosecutors Against Crime: Pages of History*. Ufa: Gilem publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кодинцев Александр Яковлевич (г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела научных исследований Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
ORCID: 0000-0002-2269-6788; e-mail: balsak1@yandex.ru

Винниченко Евгений Олегович (г. Тюмень) – кандидат юридических наук, доцент Академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета;
e-mail: e.o.vinnichenko@utmn.ru; ORCID: 0009-0003-1560-910X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander Ya. Kodintsev (St. Petersburg) – Dr. Sci. (Law), Prof., Chief Researcher, Research Department, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);
ORCID: 0000-0002-2269-6788; e-mail: balsak1@yandex.ru

Evgeniy O. Vinnichenko (Tyumen) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Academic Department, School of Law and Management, Tyumen State University;
ORCID: 0009-0003-1560-910X; e-mail: e.o.vinnichenko@utmn.ru

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 340.12

DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-21-30

ПРАВООТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Васильев С. А.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

e-mail: mnogoslov mail.ru

Поступила в редакцию 30.09.2025

После доработки 11.10.2025

Принята к публикации 18.10.2025

Аннотация

Цель. Поиск баланса между юридическими нормами в сфере здравоохранения и возможностью их эффективной реализации на практике.

Процедуры и методы. Использованы общеправовые, общенаучные и частноправовые методы научного исследования. Таким образом, основные результаты достигнуты путём теоретического осмысления социальных отношений с основным акцентом на правовые.

Результаты. Сделаны выводы, направленные на модернизацию законодательной и правоприменительной деятельности, обладающие элементами научной новизны, сформулированы предложения по совершенствованию медицинского права.

Теоретическая и/или практическая значимость. Осуществлена попытка осмысления перспектив совершенствования публично-правового регулирования медицинской деятельности, от которой зависят правила обеспечения хорошего состояния здоровья каждого человека. Настоящая работа может быть использована в дальнейших исследованиях по схожей тематике и преподавании юридических дисциплин в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: правоотношения, общественные отношения, медицинское право, законодательство о здравоохранении, система правоотношений, медицинское правоприменение

Для цитирования:

Васильев С. А. Правоотношения в сфере здравоохранения через призму юридической теории // Московский юридический журнал. 2025. № 3. С. 21–30. DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-21-30.

Original research article

MEDICAL LEGAL RELATIONS THROUGH THE PRISM OF THE LEGAL THEORY

S. Vasiliev

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

e-mail: mnogoslov mail.ru

© CC BY Васильев С. А., 2025.

Received by the editorial office 30.09.2025

Revised by the author 11.10.2025

Accepted for publication 18.10.2025

Abstract

Aim. To find a balance between legal norms in healthcare and the possibility of their effective implementation in practice.

Methodology. General philosophical, general scientific and private legal methods of scientific research were used. Thus, the main results are achieved through a theoretical understanding of social relations with a main emphasis on legal relations.

Results. Conclusions drawn are aimed at modernizing legislative and law enforcement activities, which have elements of scientific novelty; proposals were formulated to improve medical law.

Research implications. An attempt was made to comprehend the prospects for improving the public legal regulation of medical activities, on which the rules for ensuring a good state of health of each person depend. This work can be used in further research on similar topics and teaching legal disciplines in higher education institutions.

Keywords: legal relations, public relations, medical law, healthcare legislation, system of legal relations, medical law enforcement

For citation:

Vasiliev, S. A. (2025). Medical Legal Relations Through the Prism of the Legal Theory. In: *Moscow Juridical Journal*, 3, 21–30. DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-21-30.

Введение

Юридическая теория является важной частью развития общества, как находя своё отражение в формировании нормативной базы, так и выступая в качестве основы для значимых государственных решений. Описанные инструменты социального воздействия становятся основой для трансформации общественных отношений, которые также имеют свою историю, традиции, устоявшуюся практику, которые порой сложно изменить. В результате возникает определённое противоречие, заключающееся в том, что субъекты правотворческой деятельности нередко ломают устоявшиеся обыкновения социума, вводя новые модели поведения. В результате у заинтересованных субъектов, включая учёных-правоведов, возникают объективные основания утверждать, что нормы права не работают. Не является исключением и медицинское право.

В этой связи сформулирована цель данной работы: поиск некоего баланса между новыми общеобязательными правилами поведения на проектной стадии и возможностями общества их исполнять. В этом,

как представляется, и есть основная задача законодателя, компетентных должностных лиц, органов исполнительной власти.

Достигнуть обозначенного выше состояния можно при помощи многообразия доктринальных изысканий. В качестве попытки одного из них сформулированы следующие задачи:

1) рассмотреть предпосылки, заложенные в теории общественных и правовых отношений;

2) проанализировать реализацию правоотношений на основании законодательства о здравоохранении;

3) выделить проблемы правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере здравоохранения, основываясь на системном подходе, и предложить пути их разрешения.

С целью реализации поставленных задач в процессе проведения исследования индуктивным методом обобщены научные заделы для формулирования теоретических конструктов относительно правоотношений и их систематики. С этим же обстоятельством связано использование метода экспертных оценок.

Моделирование позволило сформулировать основные выводы. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления российских нормативных актов и зарубежного законодательства, хотя это прямо и не отражено в тексте в силу ограничений его объёма, но фактически произведено.

Теория общественных отношений

Т. Парсонс определяет социальную систему как способ организации многообразия элементов в качестве стабильно упорядоченного изменения моделей взаимодействия различных субъектов. Последние при этом имеют материальную и процессуальную составляющие. Первая подразумевает статус актора, вторая – его конкретные действия или бездействия, влияющие на соотношения с другими участниками [1, с. 96–97].

В результате возникает очень сложная сущность, состоящая из колоссального многообразия общественных процессов, которые влияют друг на друга самым различным образом. Однако осмыслить их ввиду отсутствия наддисциплинарной методологии невозможно [2, с. 16]. Взаимное влияние субъектов конституционного права также очень сложное явление, поскольку в своём практическом выражении оно охватывает все сферы жизни общества в виду фундаментальной роли конституционного права по отношению к остальным отраслям¹.

М. Н. Перфильев определяет общественные отношения в качестве предметной деятельности людей, имеющей внешнее выражение, оформленное в воздействие на иных субъектов. Их можно представить как некую чувственно-практическую энергию индивидов [3, с. 103]. Например, если рассматривать медицинское право, то такая энергия исходит от пациента к системе здравоохранения и отдельно взятому врачу или клиницисту с определённого рода запросом на изле-

чение по общему правилу. Представители врачебного сообщества отвечают активными действиями, направленными на оказание соответствующей помощи.

Гегель замечал, что разделяемые большинством влечения, рефлексия духа преобразуются в необходимые отношения, права и обязанности, на которых строятся правоотношения. В результате их реализации государство представляет собой нравственную жизнь общества [4 с. 288]. Безусловно, это идеальный теоретический конструкт, но именно его необходимо закладывать в основание формулирования правовых норм и правоприменительной практики.

Теория правоотношения

В основной теории правоотношений разработана в советский период [5; 6; 7]. Данное обстоятельство даёт основание В. О. Елеонскому утверждать, что такой доктринальный конструкт не подходит для современного демократического Российского государства. Дело в том, что в советский период законодательство либо ограничивало возможности граждан и организаций, либо строго предписывало конкретное поведение человека, позиционируя это как реализацию права. В то же время нормативное правовое регулирование должно лишь создавать гарантии и стимулы для правопослушного поведения, стремления созидать, развивать и развиваться самому [8, с. 119].

Я. М. Магазинер замечал, что правоотношения и понятие данного термина пронизывает собой все проявления жизни, урегулированной правом, и в любых из них может быть обнаружено [9, с. 18]. В своей сущности они представляют собой действие одного, которое предписано или позволено, предполагающего определённое поведение другого, обусловленное правом первого и обязанностью второго. Таким образом формируются взаимосвязь между субъектами права, взаимобусловленность действий или иных актов реализации права. В результате одни действия влекут за

¹ Гегель. Сочинения. Т. III. М.: Академия наук СССР, 1956. 371 с.

собой другие и так до достижения искомой цели или наступления определённого юридического факта, которым будет завершено правоотношение [9, с. 321].

Продолжая приведённый выше практический пример, взаимное влияние врача, клиники и пациента завершатся в момент выписки последнего или завершения деятельности медработников в тех пределах, которые определяет для них закон.

Ю. А. Тихомиров настаивает на необходимости чёткого ограничения права и поведения субъекта, на которого оно распространяется. Первое управляемо публичной властью, является выражением политики государства, основывается на идеальных теоретических конструктах и пр. Поведение как результат функционирования права всегда находится в зоне риска, поскольку нередко допускает отклонение от нормативно установленной модели [10, с. 8]. В этой связи правоотношения далеко не всегда стабильны, а их участники могут не получать искомого результата в виду такого отклонения других участвующих в этом акторов.

Исходя из вышесказанного, значимую роль играет поведение субъектов. Часто нет необходимости вступать в правоотношения, чтобы скорректировать поведение субъекта. Однако если есть потребность трансформировать чьё-либо поведение, то сформировать одно лишь отношение его к соответствующему предмету недостаточно. Необходимо предпринимать действия, направленные на создание условий для такой деятельности [11, с. 107]. Например, недостаточно убедить граждан в необходимости проходить обязательную диспансеризацию или делать геномный скрининг, следует организовать всё необходимое для того, чтобы возможность вступить в данные правоотношения была абсолютно у каждого, и каждый должен быть адресно проинформирован о таких возможностях.

Для того чтобы добиться от каждого неукоснительного исполнения действующего законодательства, следует достигнуть осознания гражданами необходимости соблюдения правил поведения [8, с. 112]. Не

только законодатель или высокопоставленные чиновники должны видеть в нормативном акте пользу и целесообразность, но и граждане. В противном случае эффективность такого документа будет оставаться на низком уровне.

Однако на практике всё происходит далеко не так однозначно. В целом скорее используются механизмы, позволяющие подводить индивидуальное поведение каждого под общенациональный интерес [4, с. 321]. С этой целью принимаются нормативные акты, фиксирующие такого рода ценности¹, которые, безусловно, необходимы и основаны на реальных воззрениях большинства населения страны.

Бездействие как субъективное право можно реализовывать, можно воздерживаться от этого. При этом бездействие является таким же юридическим фактом, как и действие, на каждом этапе влекущее за собой правовые последствия. Таким образом, совокупность многообразия вариаций поведения, как действий, так и бездействий, субъектов права открывает значительное число траекторий развития, например, судебного процесса в каждом отдельно взятом случае. Конституционная свобода воли не должна восприниматься в теории и практике как однозначная возможность совершать активные действия. Воздержание от них – это тоже подчас значимый юридический факт. Обозначенный подход может быть полезен, т. к. способен позволить прогнозировать и управлять данными правоотношениями там, где это необходимо, обеспечивая законность и верховенство прав человека [12, с. 13].

В данном контексте представляется важным, чтобы такого рода бездействие выступало в качестве волевого решения соответствующего субъекта, для чего он должен знать о всех возможностях, предусмотренных законом. Если такого понимания

¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809) // Собрание законодательства РФ. 2022. 14 нояб. № 46. Ст. 7977.

нет, следует его должным образом уведомлять об этом по примеру оглашения судьёй возможности обжалования выносимого судебного решения¹ [13]. Примером может служить правовое регулирование получения максимально полного информированного согласия медицинскими работниками и организациями от пациента, который собирается пройти процедуру геномной диагностики. Такие действия влекут за собой огромное количество последствий для самого лица, сдающего анализы, а также для его родственников. В результате складывается ситуация, при которой задачей медика становится отговорить человека от такого шага, т. е. среди многообразия совершения юридически значимых вариаций поведения выбрать именно бездействие. Опасность секвенирования может быть подтверждена тем обстоятельством, что во время подготовки настоящего материала Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации рассматривает дополнительные законодательные меры по защите геномной информации².

Многообразие правоотношений на примере законодательства о здравоохранении

А. А. Суханова фактически предлагает разделение на статичные и динамичные конституционные правоотношения. Статичные, по мнению автора, урегулированы прямо Конституцией РФ, но для активной стадии воплощения, их развития необходимы государственные программы, формулирующие целеполагание и подробное описание достижения соответствующих целей [14, с. 14]. Такая позиция может восприниматься в качестве дискуссионной, поскольку документы программного характера ориентированы в большей сте-

пени на развитие именно правовых норм, необязательно отражённых в отечественном акте высшей юридической силы.

Вполне допустимы документы стратегического характера, развивающие положения подзаконного нормативного правового регулирования. При этом реализация программ порождает возникновение новых отношений, которые далеко не всегда конституционные, а в некоторых случаях и не урегулированы нормами права вовсе, поскольку предполагают осуществление конкретных мероприятий, по завершении которых общественные отношения прекратят своё существование и никогда не повторятся. Таким образом, государственная программа не должна содержать в себе общеобязательные правила поведения, несмотря на то, что некоторые из них утверждаются законами на уровне субъектов Российской Федерации³.

Государственная программа «Развитие здравоохранения»⁴ содержит конкретные правила предоставления денежных средств региональным бюджетам, что может свидетельствовать о наличии правовых норм в программном документе. Одним из таких правил является выделение субсидии для проведения молекулярно-генетической диагностики новорождённых – согласно Приложениям 15 и 19 указанного документа [15]. В данной программе содержатся правовые нормы, которые должны находить своё отражение в нормативном акте, в государственной же программе следует указывать конкретные суммы на конкретные цели в конкретные периоды времени.

Традиционно конституционные правоотношения делятся на общие и конкретные. Однако А. Б. Венгеров отмечал, что

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 38-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. 18 нояб.. № 46. Ст. 4532.

² Законопроект № 1069497-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном регулировании в области геномной инженерной деятельности"» [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1069497-8> (дата обращения: 18.12.2025).

³ Закон города Севастополя от 21.07.2017 № 357-ЗС «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://sev.gov.ru/files/strategy/357-zs.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).

⁴ Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1640) // Собрание законодательства РФ. 2018. 1 янв. № 1 (Ч. II). Ст. 373.

на практике существенное значение имеют именно конкретные правоотношения, они влияют на жизнь каждого. Общие могут что-то предполагать, осуществлять обеспечительную функцию, при этом не решать конкретных задач. В результате возникает определённая опасность, когда на фоне принятых декларативных норм-принципов осуществляются противоположные действия субъектов, влияющих на частную ситуацию [16, с. 53].

Речь в данном случае идёт о том, что официальная политика направлена на обеспечение верховенства прав человека, а на практике они могут ограничиваться или даже нарушаться государственными же структурами.

В этой связи немаловажное значение имеет прямое действие Конституции, что имеет место, но не реализуется в полном объёме [2, с. 355]. Например, согласно ч. 1 ст. 41 Конституции РФ, медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно. Однако есть примеры, когда ребёнку-инвалиду были выписаны лекарства по жизненным показаниям одной организацией, а другая отказалась их выдавать бесплатно, что было поддержано судами в двух инстанциях¹.

В контексте вопроса эффективной реализации государственных программ рассматриваемая проблематика имеет особую значимость. Далеко не все нормы отечественного законодательства в полном объёме реализуются. Так, ч. 3 ст. 34 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон о здравоохранении) разрешает применение методов, в т. ч. геномной инженерии, при оказании медицинской помощи², но фактически данные инструменты в России

ещё не используются, по крайней мере в массовом порядке, несмотря на то, что в мировой практике большинство из них разработаны, апробированы, безопасны и применяются на практике [14].

Проблемы систематизации правоотношений в сфере здравоохранения

Применительно к системе любых социальных отношений актуальным является то, что каждый отдельно взятый субъект зависит и нуждается в других субъектах. Если их нет, отношений быть не может. Но и при выпадении из неё хотя бы одного также деструктивным образом влияет на систему [17, с. 11]. Например, если право человека на получение бесплатной медицинской помощи нарушено, но государство не сформировало юридических механизмов защиты его медицинских прав, то вся остальная правозащитная система становится несостоятельной в части охраны здоровья граждан. Т. е., если бы отсутствовали Росздравнадзор и прокуратура, то вряд ли бы описываемому выше потерпевшему помогли бы иные, некомпетентные в данной сфере государственные структуры.

Существует большое количество подходов к определению термина «система». А. Н. Аверьянов отмечал, что их все можно условно классифицировать на 2 категории: абсолютно любые совокупности являются системой; далеко не все совокупности являются системой [18, с. 20]. В данном контексте целесообразно исходить из категории «целое» [19, р. 32]. Именно в этом ключе даже случайно сформировавшаяся совокупность структурируется в систему и будет работать. Если этого не получается, то нет целого и нет системы, хотя случайная совокупность и может иметь место.

Например, совокупность врачей, собравшихся на конференции по определённой тематике, интересной каждому, может привести к формулированию резолюции такой конференции с новыми и действенными предложениями, актуальными для развития медицины. Так, на основании

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.12.2019 № 11-КГ19-24 // СПС Консультант Плюс (документ официально опубликован не был).

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

Резолюции II Международного форума геномных и биомедицинских технологий (30 ноября – 2 декабря 2023 г.), состоявшегося на площадке Сургутского государственного университета, было принято решение об активизации подготовки специалистов в области микрофлюидных технологий и механобиологии технологий¹, на что будут направлены усилия участников данного мероприятия.

С другой стороны, в одном крупном городе может одновременно работать множество такого рода специалистов, но если они организационно не объединены, то подобного результата совместной работы вряд ли можно ожидать. Поэтому ещё раз необходимо обратить внимание на то, что недостаточно принятия документа, необходимо создание условий для его реализации, после чего только инициативными активными действиями удастся достигнуть положительных результатов синергии усилий различных субъектов, в том числе медицинского права.

По мнению Л. Ф. Берталанфи система представляет собой комплекс взаимодействующих компонентов, включающий в себя взаимодействие, централизацию, сумму, финальность применительно к каждому конкретному явлению. Развивая данное доктринальное направление, учёный определял следующие задачи теории систем:

- 1) формирование общих законов взаимодействия элементов системы;
- 2) создание и введение в действие правил такого соотношения;
- 3) выработка научного знания на основе единства знаний о всех функционирующих системах [20, с. 135].

Значимым элементом системы отношений субъектов конституционного права выступают также события, которые воздействуют на поведение субъектов, обуславливают реализацию закреплённых за

ним прав и обязанностей. События сами по себе не выступают в качестве начала активной фазы воздействия одного субъекта на другого, но влекут за собой определённые последствия [9, с. 133]. Например, если происходит чрезвычайное происшествие, то нередко привлекают к ответственности тех, кто допустил нарушения, повлекшие за собой такого рода последствия [21].

Данное событие также влечёт реализацию определённых Конституцией и законодательством социальных гарантий. Государство оказывает помощь по восстановлению утраченного имущества на основании ч. 2 ст. 29 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении»², несмотря на то, что приведение его в негодность могло произойти вовсе не по вине публичной власти, однако события явились основаниями для реализации описанных отношений. В данном случае следует рассматривать утрату имущества, необходимого для осуществления медицинской деятельности.

На примере развития Специальной военной операции в г. Мариуполе можно наблюдать, как соответствующие события привели к причинению существенного ущерба системе здравоохранения города [22] и активному её последующему восстановлению. При этом такие события стали основой для интенсификации геномной медицины, поскольку указанное восстановление происходит с оснащением более новой техникой для лечения, в т. ч. позволяющей проводить геномную диагностику³.

Заключение

Рассмотрение предпосылок, заложенных в теории общественных и правовых отношений, позволило сделать вывод, что

¹ Резолюция Международного форума геномных и биомедицинских технологий «От рождения до активного долголетия» [Электронный ресурс]. URL: <https://genomed.admhmao.ru/upload/iblock/89d/j35wrv7lew6ethu6x1nmek5wnei55nl/Rezolyutsiya-Foruma-2023-.pdf>. (дата обращения: 26.09.2025).

² Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. 2001. 4 июня. № 23. Ст. 2277.

³ В Мариуполе открылась лаборатория по сбору генетического материала // Официальный сайт Донецкой народной республики. URL: <https://xn--80ahqgiaddr.xn--p1ai/v-mariupole-otkrylas-laboratoriya-po-sboru-geneticheskogo-materiala/>. (дата обращения: 28.09.2025).

система современных правоотношений видится до сих пор полностью не изученной. В современной доктрине нет единого понимания их структуры, а также многообразия факторов, которые на них влияют. В этой связи определёнными дефектами неминуемо обладает и практика применения медицинского права. Например, родители ребёнка-инвалида, родившегося без пальцев, в 2022–2024 гг. вынуждены были ежегодно подтверждать наличие данного недуга, несмотря на то, что ни одна из существующих технологий в мире не может это исправить¹.

У каждого субъекта общественных отношений в рассматриваемой сфере, несмотря на нормативно установленные предписания, сохраняется возможность выбирать варианты своего поведения.

Анализ реализации правоотношений на основании законодательства о здравоохранении показал, что многообразие порядков и стандартов оказания медицинской помощи предполагает проведение определённых процедур в отношении пациента, который также имеет ряд обязанностей, согласно ч. 3 ст. 27 Закона о здравоохранении, однако он может оформить отказ и прервать лечение, прекратив и исполнение этих обязанностей. Если не рассматривать в таком случае выздоровление, то возникает вполне конкретная дилемма – человек может продолжить болеть. В случае доказанности этого виноват он сам. Но возможно и обнаружение у него новой патологии, возникшей в виду врачебной ошибки, применения специфического способа лечения

и ряда других обстоятельств, которые на практике имеют место. Доказать причину заболевания часто бывает крайне сложно, отсюда и сложность перспективных деликтных правоотношений.

Современные общественные отношения в сфере здравоохранения несистемны в виду сложной структуры медицинского права, подробно описанной в учебной и научной литературе². Для преодоления такой ситуации предлагается 2 пути:

1) переход к фрагментарному публично-правовому регулированию, основывающемуся на конкретных медицинских процедурах, предусмотренных порядками и стандартами оказания медицинской помощи. В этом случае необходимо регулировать отдельно схожие по своему функционалу и последствиям врачебные и клинические процедуры при сохранении общих принципов врачебной деятельности, закреплённых в Законе о здравоохранении;

2) установление единого порядка осуществления медицинской деятельности с выделением в этом же документе отдельных детальных особенностей к тем лечебным или профилактическим мероприятиям, которые этого требуют.

Применение сформулированных в настоящей работе рекомендаций может способствовать развитию медицинского права, стабилизации публично-правовых отношений в этой сфере и выведению системы здравоохранения России на более высокий уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Академический проспект, 2001. 890 с.
2. Кравец И. А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 673 с.
3. Богданов К. В. О ведущей роли конституционного права в системе российского права и имеющих место проблемах // Гуманитарные и правовые проблемы современной России: мат-лы конф. Новосибирск: Золотой колос, 2021. С. 95–98.
4. Перфильев М. Н. Общественные отношения. Методологические и социологические проблемы. Л.: Наука, 1974. 237 с.

¹ Васильев С. А. Теория соотношения субъектов права: учебное пособие. М.: Центркаталог, 2025. С. 248.

² Медицинское право: учебник / под общ. ред. И. И. Аминова. М.: Юнити-Дана, 2023. 319 с.

5. Основин В. С. Советские государственно-правовые отношения. М.: Юридическая литература, 1965. 168 с.
6. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 351 с.
7. Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1947. 477 с.
8. Елеонский В. О. Законодательное регулирование как конституционная ценность // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации: мат-лы конф. Т. 1. / под ред. Н. В. Витрука, Л. А. Нудненко. М.: Российская академия правосудия, 2010. С. 111–128.
9. Магазинер Я. М. Избранные труды по общей теории права / отв. ред. А. К. Кравцов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 350 с.
10. Тихомиров Ю. А. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 5–20.
11. Гражданин и власть / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун и др. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. 172 с.
12. Гаврюсов А. В. Правовые последствия процессуального бездействия лиц, участвующих в деле, в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2025. 30 с.
13. Дружинина А. С. Содержание судебного решения в немецком гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 8. С. 51–55. DOI: 10.18572/1812-383X-2022-8-51-55
14. Бурцев А. К., Осавелюк А. М., Сарманаев С. Х. Формирование концептуальных основ механизма правового регулирования диагностики генома и геномного редактирования. М.: Юрист, 2020. 250 с.
15. Аверьянов А. Н. Система: философская категория и реальность. М.: Мысль, 1976. 188 с.
16. Венгеров А. Б. Прямое действие Конституции: правовые, социальные, психологические аспекты // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 48–55.
17. Живетин В. Б. Этико-правовые риски демократических систем. М.: Бон Анца, 2010. 419 с.
18. Эбзеев Б. С. Государственное единство и целостность Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы). М.: Экономика, 2005. 374 с.
19. Bertalanffy L. von. An outline of general system theory // British Journal for the Philosophy of Science. 1950. № 1. P. 134–165.
20. Шугрина Е. С. Должны ли гидротехнические сооружения находиться в составе муниципального имущества: подходы органов прокуратуры, судов общей юрисдикции и Конституционного Суда Российской Федерации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2019. № 2. С. 3–8.
21. Опыт организации лечебно-эвакуационных мероприятий в условиях локального военного конфликта / С. В. Бондаренко, А. Ю. Мельников, И. В. Михеев, О. А. Гармаш // Безопасность – 2022: мат-лы конф. / под ред. В. В. Шкарина. Волгоград, 2022. С. 32–37.
22. Буш Д. Восстановление разрушенных городов. 1943–2023 // Проект Байкал. 2023. Т. 20. № 76. С. 12–15. DOI: 10.51461/issn.2309-3072/76.2137

REFERENCES

1. Parsons, T. (2001). *The Social System*. Moscow: Akademicheskyy prospect publ. (in Russ.).
2. Kravets, I. A. (2004). *Russian Constitutionalism: Problems of Formation, Development and Implementation*. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr publ. (in Russ.).
3. Bogdanov, K. V. On the Leading Role of Constitutional Law in the System of Russian Law and the Problems Connected with It. In: *Humanitarian and Legal Problems of Modern Russia*. Novosibirsk: Zolotoy kolos publ., pp. 95–98 (in Russ.).
4. Perfiliev, M. N. (1974). *Public Relations. Methodological and Sociological Problems*. Leningrad: Nauka publ. (in Russ.).
5. Osnovin, V. S. (1965). *Soviet State Legal Relations*. Moscow: Yuridicheskaya literature publ. (in Russ.).
6. Halfina, R. O. (1974). *General Doctrine of Legal Relations*. Moscow: Yuridicheskaya literature publ. (in Russ.).
7. Ioffe, O. S. (1974). *Legal Relations under Soviet Civil Law*: [dissertation]. Leningrad (in Russ.).
8. Eleonsky, V. O. (2010). Legislative Regulation as a Constitutional Value. In: *Constitutional Values: Content and Problems of Implementation. Vol. 1*. Moscow: Russian Academy of Justice publ., pp. 111–128 (in Russ.).
9. Magaziner, Ya. M. (2006). *Selected Works on the General Theory of Law*. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr publ. (in Russ.).
10. Tikhomirov, Yu. A. (2019). Behavior in Society and Law. In: *Journal of Russian Law*, 5, 5–20 (in Russ.).

11. Avakyan, S. A., Avdeev, D. A., Gladun, E. F., et al. (2023). *Citizen and Power*. Tyumen: Tyumen State University publ. (in Russ.).
12. Gavryusov, A. V. (2025). *Legal Consequences of the Procedural Inaction of Persons Participating in the Case in the Civil Process*: [dissertation]. Ulyanovsk (in Russ.).
13. Druzhinina, A. S. (2022). Content of the Judgment in German Civil Proceedings. In: *Arbitrazh and Civil Procedure*, 8, 51–55. DOI: 10.18572/1812-383X-2022-8-51-55 (in Russ.).
14. Burtsev, A. K., Osavelyuk, A. M. & Sarmanaev, S. Kh. (2020). *Formation of the Conceptual Foundations of the Mechanism of Legal Regulation of Genome Diagnostics and Genomic Editing*. Moscow: Yurist publ. (in Russ.).
15. Averyanov, A. N. (1976). *The System: Philosophical Category and Reality*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
16. Vengerov, A. B. (1995). Direct Action of the Constitution: Legal, Social, Psychological Aspects. In: *Social Sciences and Contemporary World*, 5, 48–55 (in Russ.).
17. Zhivetin, V. B. (2010). *Ethical and Legal Risks of Democratic Systems*. Moscow: Bonanza publ. (in Russ.).
18. Ebzeev, B. S. (2005). *State Unity and Integrity of the Russian Federation (Constitutional and Legal Problems)*. Moscow: Ekonomika publ. (in Russ.).
19. Bertalanffy, L. von. (1950). An Outline of General System Theory. In: *British Journal for the Philosophy of Science*, 1, 134–165.
20. Shugrina, E. S. (2019). Should Hydraulic Structures be Part of Municipal Property: Approaches of the Prosecutor's Office, Courts of General Jurisdiction and the Constitutional Court of the Russian Federation. In: *Municipal Property: Economics, Law, Management*, 2, 3–8 (in Russ.).
21. Bondarenko, S. V., Melnikov, A. Yu., Mikheev, I. V., Garmash, O. A. (2022). Experience in Organizing Medical and Evacuation Measures in the Context of a Local Military Conflict. In: *Security – 2022*. Volgograd, pp. 32–37 (in Russ.).
22. Bush, D. (2023). Rebuilding Devastated Cities. 1943–2023. In: *Project Baikal*, 20 (76), 12–15. DOI: 10.51461/issn.2309-3072/76.2137 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Станислав Александрович (г. Севастополь, г. Тюмень) – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права Севастопольского государственного университета, старший научный сотрудник лаборатории «Функциональные основы моделирования социального поведения» Тюменского государственного университета;
ORCID: 0000-0003-2752-240X; e-mail: mnogoslov mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav A. Vasiliev (Sevastopol, Tyumen) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Departmentally Head, Department of Constitutional and Administrative Law, Sevastopol State University; Senior Researcher, Laboratory “Functional Foundations of Modeling Social Behavior”, Tyumen State University;
ORCID: 0000-0003-2752-240X; e-mail: mnogoslov mail.ru

Научная статья

УДК 342.724

DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-31-38

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ: ОТ КОНСТИТУЦИОННОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ К КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРИЗНАНИЮ

Войтович Е. А.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: e.voytovich@inno.mgimo.ru

Поступила в редакцию 15.09.2025

После доработки 02.10.2025

Принята к публикации 14.10.2025

Аннотация

Цель. Выявить диалектическую трансформацию доктрины *terra nullius* в австралийском праве: от инструмента полного отрицания прав коренных народов до формального основания их частичного признания, которое сохранило в современной юридической конструкции (*Native Title*) системную уязвимость исконных прав, унаследованную от исходной колониальной логики.

Процедура и методы. В основу исследования положены историко-правовой и сравнительно правовой анализы. Методологическая работа опирается на критический анализ ключевых судебных прецедентов, нормативных и правовых актов австралийских колоний и Австралийского Союза, а также на сопоставлении британского колониального опыта в разных регионах.

Результаты. Проведённый анализ показал, что правовое положение коренных народов Австралии формировалось в рамках общего права, а при формировании Австралийского Союза было закреплено в Основном законе. Суды, первоначально использовавшие доктрину *terra nullius* для легитимации лишения прав, в конце XX в. подвергли её ревизии. При этом, разрабатывая новую правовую конструкцию – *Native Title*, судебная практика опиралась на принцип условности автохтонных прав, что сделало их признание внутренне противоречивым и уязвимым.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлен механизм сохранения колониальной логики в рамках её современного отрицания. Представлена критическая оценка ограниченности судебного пути для полноценного восстановления прав аборигенов.

Ключевые слова: британские колонии, общее право, обычное право аборигенов, аборигены Австралии, *terra nullius*, *Native Title*, права коренного населения

Для цитирования:

Войтович Е. А. Эволюция конституционно-правового статуса аборигенов Австралии: от конституционного исключения к конституционному признанию // Московский юридический журнал. 2025. № 3. С. 31–38. DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-31-38.

Original research article

THE EVOLUTION OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF INDIGENOUS AUSTRALIAN: FROM CONSTITUTIONAL EXCLUSION TO CONSTITUTIONAL RECOGNITION

E. Voytovich

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

e-mail: e.voytovich@inno.mgimo.ru

© CC BY Войтович Е. А., 2025.

Received by the editorial office 15.09.2025

Revised by the author 02.10.2025

Accepted for publication 14.10.2025

Abstract

Aim. To examine the dialectical transformation of the *terra nullius* doctrine within Australian law system: from an instrument of absolute denial of Indigenous rights to a formal basis for their partial recognition. This recognition, enshrined in modern legal construct (*Native Title*), has preserved a systemic vulnerability inherent in Indigenous rights – a legacy of the original colonial logic.

Methodology. The study employs historical legal and comparative legal analysis. Methodological work is based on a critical examination of key judicial precedents, normative acts, and legislation from the Australian colonies and the Commonwealth of Australia, as well as a comparative assessment of British colonial experience across different regions.

Results. The analysis of the legal status of Indigenous Australians was shaped within the framework of common law and subsequently entrenched in the Commonwealth upon the Federation's establishment. The courts, which initially utilized the *terra nullius* doctrine to legitimize deprivation of rights, subjected it to revision in the late 20th century. However, in developing the new legal concept of *Native Title*, judicial practice relied on the principle of the conditional nature of native rights, rendering their recognition inherently contradictory and vulnerable.

Research implications lie in identifying the mechanism by which colonial logic is preserved within its contemporary negation. Practical significance consists in a critical appraisal of the limitations inherent in the judicial path for the comprehensive restoration of Aboriginal rights.

Keywords: British colonies, common law, Aboriginal customary law, Australian Aborigines, *terra nullius*, *Native Title*, Indigenous rights

For citation:

Voytovich, E. A. (2025). The Evolution of the Constitutional and Legal Status of Indigenous Australian: From Constitutional Exclusion to Constitutional Recognition. In: *Moscow Juridical Journal*, 3, 31–38. DOI: 10.18384/2949-513X-2025-3-31-38.

Введение

Исследование посвящено анализу генезиса и эволюции правового статуса коренных народов Австралии в контексте британской колониальной доктрины и её последующего конституционного закрепления.

Проблематика исследования заключается в выявлении противоречий между универсальной, с точки зрения международного и конституционного права, потребностью в признании автохтонных народов и уникальной историко-правовой ситуацией, сложившейся в Австралии. Такое положение предопределялось изначальным применением к континенту доктрины *terra nullius* (ничьей земли), что отличало австралийский опыт колонизации от практики, применявшейся Британской империей в других регионах, где в той или

иной форме признавалось право коренных народов на землю. Применение *terra nullius* стало предпосылкой для системного исключения коренных жителей Австралии из правового поля.

Истоки доктрины *terra nullius*

Современный дискурс о конституционном признании коренных народов Австралии является попыткой преодоления исторического конституционного исключения и правового игнорирования коренных народов, корни которого уходят в эпоху колонизации. Такое положение, зафиксированное в конституционном акте в 1900 г., явилось кульминацией правовой логики Великобритании, восходящей к моменту основания колонии. Притязания британской Короны на австралийские земли базировались на правовой фикции, в

рамках которой австралийский континент занял уникальное положение, став объектом применения доктрины *terra nullius* [1, р. 95–131].

Данный факт приобретает концептуальную значимость при сопоставлении с британской колониальной практикой в иных регионах, где подразумевалось или косвенно признавалось существование автономного суверенитета аборигенов. Так, в Северной Америке Прокламация 1763 г.¹ закрепила принцип, согласно которому права индейцев на землю признавались, а их приобретение могло осуществляться только Короной с использованием закреплённой процедуры: на публичном собрании или на совете индейцев.

Аналогично можно рассматривать несостоявшуюся попытку приобретения земель в Западной Африке, которая рассматривалась как альтернативное место для организации каторжного поселения после потери американских колоний. В инструкциях 1785 г. по освоению *Das Voltas Bay* было указано на необходимость ведения переговоров с туземцами об уступке земель в пользу Короны [2, р. 204–205], т. е. о заключении договора с коренным населением на передачу прав на землю. Но в данном случае основными причинами неудачи основания каторжной колонии называют слишком засушливый климат и сопротивление торговых компаний [3, р. 105–129, 321–341].

Ещё одним примером, подтверждающим парадигму договорных отношений, является заключённый 6 февраля 1840 г. Договор Вайтанги². В рамках договора племена маори уступили свой суверенитет в обмен на права и привилегии британских подданных, получили права на исконную землю, при том что отчуждать такое право можно было только в пользу британской Короны. Договор Вайтанги до сих пор яв-

ляется «живым документом» и служит основой для урегулирования исторических претензий маори [4, р. 85–94].

Таким образом, при существовавшей договорной альтернативе применение *terra nullius* в Австралии в 1788 г. следует трактовать не как универсальную практику колонизации, а как уникальную предпосылку для последующего конституционного исключения и отрицания правового статуса аборигенов.

Экспедиция Джеймса Кука к австралийскому континенту также сопровождалась инструкциями о предпочтительном договорном пути получения прав на землю для новой колонии³. Однако, столкнувшись с отсутствием привычных для европейцев признаков оседлости коренного населения, британцы руководствовались этноцентричными критериями цивилизации [5], установив, что новые земли никем не используются, а аборигены не развиты в той степени, чтобы с ними было возможно вести переговоры, что было отражено в дневниках кругосветного путешествия. Описывая туземцев, Кук отметил, что аборигены ведут примитивный образ жизни и «существуют в основном за счёт рыбы, которой здесь великое множество»⁴.

Первоначальная фаза колонизации Австралии, начиная с основания колонии Новый Южный Уэльс в 1788 г., характеризовалась декларативными попытками установить формально мирные отношения с местными племенами. Однако такая установка вступала в фундаментальное противоречие с применявшейся де-факто доктриной *terra nullius*, которая отрицала существование исконных прав аборигенов на землю. Систематическая экспансия поселенцев и присвоение продуктивных земель под сельское хозяйство и выпас

¹ The Royal Proclamation – October 7, 1763. Lillian Goldman Law Library [Электронный ресурс]. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/proc1763.asp (дата обращения: 10.09.2025).

² The Treaty of Waitangi original documents [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.i/BpkXr> (дата обращения: 10.09.2025).

³ Secret Instructions to Lieutenant Cook 30 July 1768 (UK) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foundingdocs.gov.au/item-did-34.html> (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ A journal of a voyage round the world, in His Majesty's ship Endeavour, in the years 1768, 1769, 1770, and 1771; undertaken in pursuit of natural knowledge, ... 1771 [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.i/txtctO> (дата обращения: 12.09.2025).

скота неизбежно вели к конфликтам. В британском правовом поле это интерпретировалось как нарушение общественного порядка, аборигены расценивали такое вторжение – как нарушение священных связей с землёй и сложившегося жизненного уклада. Открытые вооружённые столкновения, возникавшие в контексте борьбы за землю, продемонстрировали превосходство колонистов. Этот факт подтверждается многочисленными столкновениями, такими как «Война на реке Хоуксбери», «Чёрная война» в Тасмании, «Резня в Майолл-Крик», что приводило к массовой гибели коренного населения [6, p. 11–45].

Системное развитие и закрепление доктрины *terra nullius*

До 1820-х гг. существовала правовая неопределённость в вопросе юрисдикции британского права в отношении аборигенов. На начальном этапе колонизации споры и преступления, касающиеся только коренного населения, решались ими самими, без участия колониальных органов власти, при помощи обычного права. В 1827 г. в деле *R v Lowe*¹ суд установил, что аборигены могут подлежать индивидуальной судебной защите. Дело касалось убийства аборигена, задержанного военнослужащими: лейтенант Н. Лоу застрелил задержанного туземца, после чего предстал перед судом. Суд рассмотрел возможность судить военнослужащего и возможность предоставить судебную защиту аборигену, при этом отметил, что в силу низкого развития и невозможности говорить на языке суда сложно говорить о какой-либо защите. Вследствие также давления подсудимого на свидетелей судебный процесс превратился в «судебный фарс»: Н. Лоу вину не признал, показания свидетелей в ходе процесса были изменены и в итоге не подтверждали вину подсудимого, а при-

сяжными в процессе выступали военнослужащие этой же колонии, которые оправдали лейтенанта. В итоге, с одной стороны, аборигену формально была предоставлена защита в рамках общего права, но фактически защищалось белое население, что было воспринято поселенцами как положительная тенденция [7, p. 122–140].

В 1836 г. в деле *R v Murrell and Bummaree* об убийстве одного аборигена другим защита строилась на постулате, что до основания колонии коренное население проживало на этих территориях и подчинялось своему собственному праву. Поскольку Великобритания не заключала с туземцами договора о передаче прав на землю и не осуществляла завоевания, защита настаивала, что на коренное население не распространяется право колонии, поэтому коренное население обладает правом быть судимыми по обычаям племени. Суд, рассматривая вопрос применения права аборигенов к виновному, указал, что территория, на которой было совершено убийство, «с санкции парламента фактически передана во владение Короны», а, следовательно, убийство, совершённое в пределах границ колонии, относится к юрисдикции суда². Таким образом, судом в указанном прецеденте было установлено существование обычного права у аборигенов, но также и определено, что на землях, принадлежащих Короне, может действовать только одна правовая система – правовая система Великобритании, и в этом случае юрисдикция колониальных судов во всех случаях распространяется и на дела аборигенов.

Необходимо отметить, что в истории Австралии были прецеденты, когда права коренного населения были защищены в соответствии с британским правом. Так, в 1838 г. в Новом Южном Уэльсе по решению суда были повешены 7 белых поселенцев за убийство 28 аборигенов. Но такое решение суда вызвало массу протестных

¹ *R v Lowe* [1827] NSWSC 32 (18 May 1827) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.austlii.edu.au/au/special/NSWSupC/1827/32.html> (дата обращения: 11.09.2025).

² *R v Murrell and Bummaree* (1836) 1 Legge 72; [1836] NSWSupC 35. Macquarie University [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/HQUcM> (дата обращения: 11.09.2025).

движений среди колонистов, после чего негласно поселенцев практически перестали судить за подобные преступления, либо наказание за убийство ограничивалось штрафом [8, р. 355–390].

Постепенно вместе с расширением территорий британских колоний в Австралии весь континент перешёл под защиту и юрисдикцию Короны, следовательно, все аборигены формально стали британскими подданными. Необходимо отметить, что получение британского подданства теоретически давало право коренному населению получить избирательные права. Начиная с 1855 г., на Австралийском континенте многие существующие австралийские колонии получили собственные конституции, что позволило им самостоятельно определять вопросы избирательного права.

В разных колониях избирательное законодательство по-разному формулировало нормы в отношении избирательных прав аборигенов. С 1856 г. в Южной Австралии все совершеннолетние подданные британской Короны обладали активным избирательным правом, включая и коренное население. Аналогичные нормы были введены в Виктории – с 1857 г., в Новом Южном Уэльсе – с 1858 г., в Тасмании – с 1896 г. А в штатах Квинсленд (с 1885 г.) и Западная Австралия (с 1893 г.) право голоса у аборигенов отсутствовало. Однако даже в тех колониях, где юридически за коренным населением было закреплено право голоса, фактически аборигены не пользовались своим правом в силу безграмотности и угнетённого положения.

Образование Австралийского Союза институционализировало дискриминационный статус коренного населения. Несмотря на то, что государство сформировалось как парламентская демократия, в основе которой лежит воля народа и его избирательные права, интересы коренного населения были системно проигнорированы. В первоначальной редакции Конституции Австралийского Союза ст. 51, с одной стороны, вводилось ограничение власти Федерального Парламента в от-

ношении принятия законов по вопросам, касающимся аборигенов, а с другой – коренное население конституировалось как неграждане по расовому признаку. Ст. 127 представляла собой акт прямого исключения коренных жителей из числа населения Австралийского Союза, что в т. ч. означало их полное неучастие в политической жизни государства [9, с. 94–100]. Важно отметить, что ст. 41 Конституции гарантирует право голоса на федеральных выборах любому лицу, обладавшему таким правом на выборах штата. Другими словами, если абориген был включён в избирательные списки в соответствии с законами бывших колоний до объединения Австралии, его избирательные права сохранялись.

На протяжении более 60 лет к коренному населению применялась политика ассимиляции, заключающаяся в изъятии детей из семей аборигенов и воспитании их в европейских традициях [10, р. 4]. Однако такое разрешение проблемы аборигенов не соответствовало требованиям мирового сообщества. Развитие прав человека, особенно в период после Второй мировой войны, подталкивало и Австралийский Союз к кардинальному решению вопроса аборигенов.

Пересмотр доктрины *terra nullius* и проблемы признания

В 1967 г. состоялся общенациональный референдум, ставший символом полного гражданского признания коренного населения. Дискриминационные положения Конституции были отменены. Но если в отношении политических и социальных прав аборигенов законодатель однозначно исправил ситуацию, то этого нельзя сказать о сложном для Австралии вопросе, касающемся права собственности на землю, поскольку коренное население утверждает, что в ходе колонизации был осуществлён незаконный захват земель, исконно принадлежащих аборигенам.

В 1971 г. представители народа йолнгу (*yolngu*) обратились в Верховный суд Северной территории с целью получения

права собственности на землю, которую на основании обычного права аборигены считали своей землёй. В «Деле о землях Гове» иск был подан против компании *Nabalco*, которой Австралийский Союз передал права аренды спорного участка для добычи алюминиевой руды. Истцы утверждали, что у них существует система традиционного землевладения, которая даёт им право собственности на землю, и что её нельзя отобрать без их согласия и компенсации. В решении было установлено, что, поскольку традиционный образ жизни аборигенов не соответствовал европейским понятиям о ведении сельского хозяйства, следовательно, доктрина *terra nullius* была применена обоснованно. При этом суд подробно разобрал связь с землёй и традиционными ценностями, но сделал вывод, что система обычных законов йолнгу не является частью австралийского права, но, даже если бы такая система признавалась, концепции «собственность, основанная на обычном праве» не существует¹. Таким образом, в этом решении суд разрешил проблему соотношения обычного права аборигенов и общего права в пользу общего права, отказавшись признать обычное право аборигенов источником прав на землю.

В другом значимом прецеденте Высокий суд Австралийского Союза в 1992 г. в деле *Mabo v Queensland* прямо заявил, что доктрина *terra nullius* неправомерно применялась в Австралии. Представители народа мериа (*meriam*) добились признания того, что коренные народы на момент колонизации уже имели организованные сообщества и собственную систему права, связанную с землёй. Рассматривая данный прецедент, суд постановил, что в определённых районах Австралии коренное население могло быть собственником своей земли на основании обычного права аборигенов. Т. е. судом было признано, что доктрина *terra nullius* не могла быть применена к абсолютно всем землям Австралии,

а коренное население, в частности народ мериа, обладало исконным правом на землю *Native Title*. Прямым и немедленным следствием решения по делу «Мабо» стало принятие Закона «Об исконном праве на землю»², который создал процедуру признания и защиты так называемого исконного правового титула (*Native Title*).

В австралийском праве под исконным правовым титулом на землю понимается совокупность прав, которой обладают коренные народы Австралии в силу их исторической и непрерывной связи с традиционными территориями.

Отметим, что правовая природа *Native Title* отличается от правовой природы права собственности. Если *Native Title* возникает в результате признания прав коренных народов на исконную землю, проистекающих из обычного права аборигенов, возникшего до установления власти Великобритании, то основанием возникновения права собственности является акт государственной власти (Короны, Парламента и т. д.). Существует 2 вида *Native Title*: исключительное (когда отсутствуют иные права на эту землю) и неисключительное (когда *Native Title* co-существует с другим правами на землю). Например, в деле *Wik Peoples v The State of Queensland*³ (1996) Высокий суд установил, что *Native Title* может существовать на землях, на которые распространяется право аренды, равно как и получение *Native Title* не прекращает права аренды (речь шла об аренде земли под пастбище), при этом в случае конфликта приоритет отдаётся аренде.

Впоследствии в деле *Western Australia v Ward*⁴ Высокий суд постановил, что *Native Title* – не единое право на землю, а совокупность отдельных прав, таких как: охота, рыболовство, обряды и церемонии, до-

¹ *Milirrpum v. Nabalco Pty. Ltd* (1971) 17 FLR 141 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atns.net.au/agreement.asp?EntityID=1611> (дата обращения: 12.09.2025).

² An Act about native title in relation to land or waters, and for related purposes 1993 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A04665> (дата обращения: 12.09.2025).

³ *Wik Peoples v The State of Queensland* [1996] HCA 40, (1996) 187 CLR 1 (23 December 1996), High Court.

⁴ *Western Australia v Ward* [2002] HCA 28, (2002) 213 CLR 1 (8 August 2002), High Court.

ступ к земле, – т. е. прав, вытекающих из обычного права аборигенов. Такие права могут быть прекращены по отдельности или на части территории. Например, строительство плотины будет исключать право охоты на таком участке. При этом фрихолд (*freehold*) или эксклюзивное право аренды (*exclusive possession lease*) полностью прекращают *Native Title*, например, создание заповедника.

Заключение

Как следует из представленного анализа, современное право Австралии несёт на себе глубокий отпечаток первоначальной

колониальной доктрины. Закрепление правового режима *Native Title*, призванного исправить историческую несправедливость, в процессе своей реализации лишь подтвердило уязвимость исконных прав аборигенов [11, р. 339–360]. Таким образом, полное признание исконных прав коренного населения на землю остаётся незавершённым проектом и значительной проблемой австралийского конституционализма. История трансформации правового статуса аборигенов Австралии является наглядным примером того, как колониальная доктрина продолжает определять рамки возможного правового признания исконных прав даже спустя столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Banner S. Why Terra Nullius? Anthropology and Property Law in Early Australia // *Law and History Review*. 2005. Vol. 23. № 1. P. 95–131.
2. King R. J. Ports of Shelter, and Refreshment ... Botany Bay and Norfolk Island in British Military Strategy, 1786–1808 // *Historical Studies*. 1986. № 22. P. 204–205.
3. Christopher E. A Merciless Place: The Lost Story of Britain's Convict Disaster in Africa and How it Led to the Settlement of Australia. Sydney: Allen & Unwin, 2010. 440 p.
4. Randall B. New Zealand's Treaty of Waitangi and the doctrine of discovery // *Implications for the foreshore and seabed Marine Policy*. 2011. Vol. 35. Iss. 1. P. 85–94.
5. Reynolds H. Aboriginal Sovereignty: Reflections on Race, State, and Nation. Sydney: Allen & Unwin, 1996. 221 p.
6. Butlin N. G. Our original aggression: Aboriginal populations of southeastern Australia, 1788–1850. Sydney, Boston: G. Allen & Unwin, 1983. 186 p.
7. Chaves K. 'A solemn judicial farce, the mere mockery of a trial': the acquittal of Lieutenant Lowe, 1827 // *Aboriginal History Journal*. 2011. Vol. 31. P. 122–140.
8. Nettelbeck A. "Equals of the White Man": Prosecution of Settlers for Violence Against Aboriginal Subjects of the Crown Colonial Western Australia // *Law and History Review*. 2013. Vol. 31. № 2. P. 355–390.
9. Войтович Е. А., Шекина С. В. Трансформация избирательных прав коренного населения в законодательстве Австралийского Союза // Уральский форум конституционалистов: сб. материалов. Вып. 6. Ч. 2. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 94–100.
10. Read P. The Stolen Generations: The Removal of Aboriginal Children in New South Wales 1883 to 1969. Sydney, 1981. 246 p.
11. Anthony T., Hohmann J. Indigenous Housing Rights and Colonial Sovereignty: Self-Determination and Housing Rights beyond a White Possessive Frame // *Social & Legal Studies*. 2024. № 34. P. 339–360. DOI: 10.1177/09646639241227120

REFERENCES

1. Banner, S. (2005). Why Terra Nullius? Anthropology and Property Law in Early Australia. In: *Law and History Review*, 23 (1), 95–131.
2. King, R. J. (1986). 'Ports of Shelter, and Refreshment ... Botany Bay and Norfolk Island in British Military Strategy, 1786–1808'. In: *Historical Studies*, 22, 204–205.
3. Christopher, E. (2010). *A Merciless Place: The Lost Story of Britain's Convict Disaster in Africa and How it Led to the Settlement of Australia*. Sydney: Allen & Unwin.
4. Randall, B. (2011). New Zealand's Treaty of Waitangi and the doctrine of discovery. In: *Implications for the Foreshore and Seabed Marine Policy*, 35 (1), 85–94.

5. Reynolds, H. (1996). *Aboriginal Sovereignty: Reflections on Race, State, and Nation*. Sydney: Allen & Unwin.
6. Butlin N. G. (1983). *Our Original Aggression: Aboriginal Populations of Southeastern Australia, 1788–1850*. Sydney, Boston: G. Allen & Unwin.
7. Chaves K. (2011). 'A Solemn Judicial Farce, the Mere Mockery of a Trial': The Acquittal of Lieutenant Lowe, 1827. In: *Aboriginal History Journal*, 31, 122–140.
8. Nettelbeck, A. (2013). "Equals of the White Man": Prosecution of Settlers for Violence Against Aboriginal Subjects of the Crown Colonial Western Australia. In: *Law and History Review*, 31 (2), 355–390.
9. Voitovich, E. A. & Shekina, S. V. (2021). Transformation of the Electoral Rights of the Indigenous Population in the Legislation of the Australian Union. In: *Ural Forum of Constitutionalists. Iss. 6. Pt. 2*. Yekaterinburg: Ural State Law University publ., pp. 94–100 (in Russ.).
10. Read, P. (1981). *The Stolen Generations: The Removal of Aboriginal Children in New South Wales 1883 to 1969*. Sydney.
11. Anthony, T. & Hohmann, J. (2024). Indigenous Housing Rights and Colonial Sovereignty: Self-Determination and Housing Rights beyond a White Possessive Frame. In: *Social & Legal Studies*, 34, 339–360. DOI: 10.1177/09646639241227120.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Войтович Елена Андреевна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; ORCID: 0000-0003-1515-6297; e-mail: e.voytovich@inno.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Voytovich (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional Law, International Law School, MGIMO University; ORCID: 0000-0003-1515-6297; e-mail: e.voytovich@inno.mgimo.ru

Научная статья

УДК 342.2

DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-39-46

К ВОПРОСУ О КОЛЛЕКТИВНОМ ДОГОВОРЕ КАК ПОЗИТИВНОЙ ФОРМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ, НАЁМНЫМ ТРУДОМ И КАПИТАЛОМ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПРАВА В РОССИИ

Кудрин А. С.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Российская Федерация

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте

Российской Федерации, Пермский филиал, г. Пермь, Российская Федерация

e-mail: antoune@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.08.2025

После доработки 16.09.2025

Принята к публикации 30.09.2025

Аннотация

Цель. Оценка правового взаимодействия между государством, наёмным трудом и капиталом в период формирования отечественного трудового права.

Процедура и методы. Проведён анализ особенностей взаимодействия между государством, наёмным трудом и капиталом в конце XIX – начале XX вв.

Результаты. Обосновано, что единственной позитивной формой их взаимодействия в рассматриваемый период выступали коллективные договоры. Выявлено, что в рассматриваемый период особенностью правового взаимодействия государства с иными субъектами социальной власти в сфере труда выступало, в частности, отсутствие одного из важнейших субъектов социальной власти – работника в лице его представителей.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в обосновании вывода о том, что использование исторического опыта правового регулирования общественных отношений в сфере наёмного труда, прежде всего коллективно-договорного регулирования, способно привести к созданию единой модели социального взаимодействия субъектов социальной власти, адекватно отражающей современное состояние сферы социально-трудовых отношений в России.

Ключевые слова: коллективный договор, правовое взаимодействие, трудовые отношения, государство, работодатели, работники

Для цитирования:

Кудрин А. С. К вопросу о коллективном договоре как позитивной форме взаимодействия между государством, наёмным трудом и капиталом в период формирования трудового права в России // Московский юридический журнал. 2025. № 3. С. 39–46. DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-39-46.

Original research article

ON THE COLLECTIVE AGREEMENT AS A POSITIVE FORM OF INTERACTION BETWEEN THE STATE, WAGE LABOR AND CAPITAL DURING THE FORMATION OF LABOR LAW IN RUSSIA

A. Kudrin

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

© CC BY Кудрин А. С., 2025.

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm Branch, Perm,
Russian Federation
e-mail: antoune@yandex.ru*

Received by the editorial office 30.08.2025

Revised by the author 16.09.2025

Accepted for publication 30.09.2025

Abstract

Aim. To assess the legal interaction between the state, hired labor, and capital during the formation of domestic labor law.

Methodology. An analysis of the features of interaction between the state, hired labor and capital in the late 19th – early 20th centuries is conducted.

Results. It is shown that collective agreements were the only positive form of interaction during the period under review. It is noted that during that period, a distinctive feature of the state's legal interaction with other actors of social power in the sphere of labor was the absence of one of the most important actors of social power that was a worker represented by his or her representatives.

Research implications consist in the substantiation that the use of historical experience in the legal regulation of social relations in the sphere of hired labor, primarily collective bargaining, can lead to the creation of a unified model of social interaction between actors of social power that adequately reflects the current state of social and labor relations in Russia.

Keywords: collective agreement, legal interaction, labor relations, state, employers, employees

For citation:

Kudrin, A. S. (2025). On The Collective Agreement as a Positive Form of Interaction Between the State, Wage Labor and Capital During the Formation of Labor Law in Russia. In: *Moscow Juridical Journal*, 3, 39–46. DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-39-46.

Введение

Изучение зарождения коллективно-договорных отношений в дореволюционной России позволяет выявить исторические основы современной системы социального партнёрства и понять эволюцию трудового права в отечественной правовой традиции. При этом, несмотря на отсутствие правового регулирования института коллективных договоров в Российской империи, их спонтанное возникновение в результате стачечной борьбы представляет собой уникальный феномен, демонстрирующий саморегулирующийся характер трудовых отношений в условиях противодействия со стороны капитала и фабрикантов.

Анализ этого периода имеет прикладное значение для понимания причин несовершенства социального диалога в современных условиях, поскольку традиции коллективного регулирования труда формировались в условиях отсутствия нор-

мативного регулирования и государственного противодействия профсоюзному движению.

Следует отметить, что заявленная тема недостаточно изучена в отечественной правовой науке, что обуславливает потребность в системном исследовании.

Проблеме коллективно-договорного регулирования в России в начале XX в. были посвящены работы ряда учёных, в частности В. И. Ленина, П. Н. Столянского, в дальнейшем в советский период – Н. Г. Александрова, А. Д. Зайкина и др. В настоящее время ряд аспектов заявленной темы исследования затронут в научных трудах российских и зарубежных авторов – А. М. Куренного, К. Н. Гусова, А. М. Лушниковой, П. Г. Давидюка, Е. А. Волк.

Целью исследования является комплексный анализ генезиса, правовой природы и практического функционирования коллективных договоров в Российской империи в контексте развития фабрично-

го законодательства и рабочего движения конца XIX – начала XX вв.

Задачами исследования выступают рассмотрение правовых и социально-экономических предпосылок возникновения коллективных договоров в царской России, включая анализ ограничений, накладываемых на профсоюзную деятельность и стачечное движение, анализ взаимосвязи между развитием фабричного законодательства (1882–1914 гг.) и формированием практики коллективно-договорного регулирования в России и за рубежом, а также оценка исторического значения коллективных договоров дореволюционного периода для становления отечественного трудового права.

Особенности взаимодействия наёмного труда и капитала

Коллективные договоры в царской России представляли собой относительно редкое, но крайне значимое явление в контексте развития трудового законодательства и рабочего движения конца XIX – начала XX вв. До революции 1917 г. правовая система Российской империи не предусматривала института коллективных трудовых соглашений в современном понимании: государство не регулировало напрямую отношения между работниками и работодателями, а профсоюзы и профессиональные объединения формально находились под запретом [1, с. 8–9].

При этом рабочий оставался коллективной личностью, ощущал себя частью своеобразной «рабочей семьи» и предпочитал коллективные формы участия в общегородских организациях индивидуальным. Трудовой коллектив не включал в свой состав представителей администрации, противостоял им как единое целое и видел в них основное препятствие в реализации своих прав. Характер отношения администрации к рабочим вызывал в «рабочей семье» не только протест, но и стремление вернуть утраченное человеческое достоинство, которое у бывших крестьян было неразрывно связано с правом на участие

в управлении трудовым процессом, с выполнением не только исполнительных, но и распорядительных функций.

Вмешательство рабочих в управление производством объективно заключало в себе 2 противоположные тенденции – разрушительную и созидательную. В общем, негативное отношение российских предпринимателей к рабочему самоуправлению вызывало озлобленность у рабочих, способствовало преобладанию в рабочем движении разрушительной тенденции [2, с. 156–157].

Тем не менее активизация рабочего движения, особенно в промышленно развитых регионах – Санкт-Петербурге, Москве, Лодзе и особенно Баку, – привела к возникновению практики заключения договоров между представителями капитала и объединениями работников, возникавшими в ходе забастовок. Такие договоры, не имея формального юридического статуса, тем не менее обладали значительной социальной и политической силой, поскольку опирались на массовую поддержку трудящихся и угрозу повторного прекращения работ [3, с. 113–114].

Наиболее ярким и исторически значимым примером стал коллективный договор, подписанный 30 декабря 1904 г. в Баку после всеобщей стачки на нефтяных промыслах. Этот документ получил в народе и революционной прессе название «мазутная конституция» и включал в себя широкий спектр требований: сокращение рабочего дня до 8 ч. (в то время как законодательно разрешённая продолжительность составляла 11,5 ч.), повышение заработной платы, отмену штрафов, улучшение санитарных условий труда, введение оплачиваемых отпусков, обязательное участие рабочих в рассмотрении конфликтов и даже создание рабочей инспекции.

По своей сути коллективный договор выступал не просто соглашением сторон, а специальным правовым актом, в котором работники добились признания себя и своих представителей полноценными субъектами права в трудовых отношениях, обе-

спечивали гарантии в сфере оплаты труда и в других социальных вопросах [4, с. 189].

После событий 1905 г., вызванных Всероссийской политической стачкой и последующим Манифестом 17 октября, существовавшие государственные ограничения на рабочие организации ослабли. Хотя официальное признание профсоюзов произошло лишь частично и носило скорее фактический, чем юридический характер, именно в 1905–1907 гг. наблюдался значительный рост случаев заключения коллективных договоров – в тяжёлой промышленности, текстильной и металлообрабатывающей отраслях, на железнодорожном транспорте. Эти договоры варьировались по содержанию: от минимальных требований (повышение зарплаты, отмена штрафов) до более сложных конструкций, включавших механизмы урегулирования конфликтов, участие в управлении производством и создание паритетных комиссий [5, с. 24–25].

Следует отметить, что потребность появления коллективного договора как вида нормативного соглашения обусловлена и тем, что первоначально возникла необходимость заключать коллективные договоры между нанимателями и наёмными работниками в целях урегулирования острых конфликтов, а лишь затем понятие и порядок заключения таких договоров были закреплены в законодательстве [6, с. 11].

Однако важно отметить, что подобная практика оставалась фрагментарной и локальной. Отсутствие централизованного правового регулирования, постоянное давление со стороны властей, репрессии в периоды политической реакции (особенно после 1907 г.) и сопротивление со стороны предпринимателей значительно ограничивали распространение коллективных договоров. В большинстве случаев такие договоры действовали лишь временно – до следующего кризиса или вмешательства полиции, которая часто разгоняла рабочие комитеты и арестовывала их лидеров [7, с. 23–24].

В этой связи интересно показать контраст с развитием института коллектив-

ных договоров в Западной Европе и США в аналогичный период. Так, в Германии, где профсоюзное движение получило юридическое признание ещё в 1890-х гг. (после отмены «Закона против социалистов»), коллективные договоры к началу XX в. уже функционировали как устойчивый механизм регулирования трудовых отношений. Особенно ярко это проявилось в горнодобывающей и металлургической промышленности Рура, где с 1890-х гг. действовали отраслевые тарифные соглашения, заключаемые между централизованными объединениями работодателей и профсоюзов. Немецкая модель отличалась высокой степенью институционализации: наличие паритетных комиссий, чётких процедур разрешения споров и даже элементов совместного управления (например, в рамках «производственных советов» после 1918 г.) [8, с. 409–410].

В Великобритании в рассматриваемый исторический период коллективные договоры развивались в рамках компаративистской традиции, где государство изначально занимало позицию невмешательства, предоставляя сторонам свободу договариваться. Уже с 1870-х гг. в таких отраслях, как угольная промышленность и судостроение, сложились устойчивые практики заключения отраслевых соглашений. Основным отличием британской модели стало признание коллективных договоров как юридически обязательных (хотя и не всегда подлежащих принудительному исполнению через суды), что создавало устойчивую основу для социального диалога¹.

При этом интересно отметить, что в США развитие коллективных договоров происходило позже и в более конфликтной форме. И только с принятием федерального закона о трудовых отношениях уже в 1930-е гг. (Wagner Act, 1935) коллективные договоры были не просто легализованы, но и служили основным источником правового регулирования трудовых

¹ Петров А. Я. Социальное партнёрство в сфере труда: история, теория, право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2026. 348 с.

отношений, что позволило перейти от стихийных забастовок к системе регулярных переговоров между сторонами¹.

Тем самым, если в западных странах коллективные договоры становились элементом трипартизма (государство – работодатели – работники) и встраивались в систему государственного управления общественными отношениями в сфере труда, то в Российской империи они оставались маргинальным, эпизодическим и репрессируемым явлением. Отсутствие чёткой нормативной основы, политической воли к социальному компромиссу и зрелых представительных органов со стороны работников и работодателей не позволяло институту коллективных договоров перейти от формы протеста к форме регулирования.

Тем не менее именно в царской России, вопреки отсутствию демократических институтов и жёсткому авторитарному режиму, зародились элементы современных трудовых отношений, включая вопросы социально-партнёрских отношений, и, следовательно, возникала острая необходимость в их правовом регулировании для обеспечения общественной стабильности.

Рассматривая данную проблему, В. В. Громан полагал, что «разбросанность законоположений о найме рабочих по отдельным частям Свода Законов и затруднительность благодаря этому пользования этими законоположениями, к тому же весьма часто затерянными среди постановлений, к вопросу о найме рабочих ни прямого, ни косвенного отношения не имеющих, побудили Государственную Канцелярию выделить упомянутые узаконения и объединить их в особом Уставе о промышленном труде...»².

¹ Батусова Е. С., Базыкин А. Е., Казаков С. О.; Международное и зарубежное трудовое право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2026. 172 с.

² Громан В. В. Устав о промышленном труде: (Св. зак. т. XI, ч. 2, изд. 1913 г., статьи 1-228 и 541-597) с правилами и распоряжениями, изданными на основании этих статей, с разъяснениями к ним Правительствующего сената и административных установлений, приложениями и указателями, алфавитным, предметным и сравнитель-

Важно отметить, что становлению и развитию фабричного законодательства в разное время были посвящены различные научные работы, в т. ч. диссертации, касающиеся отдельных аспектов взаимодействия субъектов социальной власти [9, с. 7]. Показательно при этом, что современные учёные также достаточно высоко отмечают уровень развития формирующегося в тот период времени трудового права и проявления взаимодействий различных его субъектов. Они указывают, на то, что, несмотря на отсутствие единого трудового кодекса и системного законодательства в современном понимании, в начале XX в. в Российской империи начали складываться правовые нормы, регулирующие отношения между работодателями и наёмными работниками. Это было обусловлено как ростом промышленного производства, так и усиливающимся рабочим движением, требовавшим защиты своих интересов [10, с. 116].

В то же время, по словам П. Н. Столпянского, реформирование фабрично-заводского законодательства повлекло за собой значительный рост промышленности в стране, и в г. Санкт-Петербурге в частности. Так, например, «с 234 фабрик и заводов с 19 324 рабочими и с 36 373 тыс. руб. оборота в 1862 г. петербургская промышленность достигла в 1914 г. 582 фабрик, 160 013 рабочих и 575 570 тыс. руб. оборота... мы увидим: число промышленных заведений увеличилось в 2 раза; число рабочих – почти в 10 раз; сумма оборота – тоже в 10 раз» [11, с. 112].

Невзирая на попытки государства регулировать отношения между трудом и капиталом, условия труда и быта рабочих оставались тяжёлыми. Рабочее движение, ещё не будучи реальной силой, было не в состоянии отстаивать свои интересы. Правительство прибегало ко всевозможным способам и методам борьбы с революционным движением. В конце XIX – начале XX вв. оно продолжало усиливать репрессивные меры.

ным постановением [1915] [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/>. (дата обращения: 26.08.2025).

В. И. Ленин в этой связи отмечал: «Аресты приняли необычайные размеры, тюрьмы переполнены. Хватают интеллигентов, мужчин и женщин, хватают и массами высылают рабочих. Едва ли не каждый день приносит известия о новых и новых жертвах полицейского правительства, в бешенстве набросившегося на своих врагов. Правительство задалось задачей не дать окрепнуть и встать на ноги новому течению русского революционного движения» [12, с. 467].

Между тем рост рабочего движения заставил царское правительство наряду с усилением репрессий изыскивать более гибкие формы борьбы с ним. При одобрении руководства страны министерство внутренних дел с целью отвлечь рабочих от революционного движения и его деполитизации предложило разрешить создание легальных рабочих организаций, деятельность которых направлялась бы департаментом полиции. Одним из инициаторов создания таких организаций был жандармский полковник, начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов. Сущность такого подхода по отношению к рабочему классу и получившего название «зубатовщины», В. И. Ленин охарактеризовал следующим образом: «Со стороны правительства – это сознательное заигрывание, подкуп и развращение, одним словом, система, получившая название "зубатовщины". Обещание более или менее широких реформ, действительная готовность осуществить крохотную частичку обещанного и требование за это отказать от борьбы политической, – вот в чём суть зубатовщины» [13, с. 37].

Хотя «зубатовщина» на короткое время и способствовала определённой стабилизации отношений на отдельных фабриках и заводах, в целом она оказалась неэффективной: работники осознавали ограниченность экономических уступок без политических свобод, а революционные партии, большевики главным образом, активно разоблачали проправительственные профсоюзы как инструмент полицейского манипулирования.

Сущность этой политики заключалась в попытке отвлечь рабочих от революционной борьбы посредством создания легальных, контролируемых властями рабочих организаций, ориентированных исключительно на экономические требования.

Заключение

Таким образом, динамичный и противоречивый характер социальных трансформаций конца XIX – начала XX вв. привёл к кардинальной трансформации исходных основ регулирования социально-трудовых отношений в Российской империи.

Ускоренное развитие промышленности при сохранении низкого уровня социальной защищённости работника и увеличении степени и объёма его эксплуатации обусловили нарастающий кризис традиционных форм взаимодействия в сфере социально-трудовых отношений. Ключевым фактором, усугублявшим этот кризис, стала неготовность субъектов социальной власти – как со стороны работодателей, так и со стороны государственных институтов – к выстраиванию социально-партнёрских, отношений, обусловленная как отсутствием соответствующего исторического опыта, так и нежеланием адаптироваться к новым социально-экономическим реалиям.

Тем не менее именно в этот период зарождались первые элементы договорного регулирования трудовых отношений, которые позже, в советский и постсоветский периоды, легли в основу формирования полноценного института коллективных договоров.

Несмотря на фрагментарность и отсутствие полноценного правового регулирования, коллективные договоры второй половины XIX – начала XX вв. имели важное практическое значение: они демонстрировали возможность перехода от авторитарной модели управления трудом к более демократической и социально справедливой, основанной на взаимных обязательствах сторон.

Этот исторический опыт, несмотря на свою ограниченность в части правового регулирования и защиты интересов работников, представляет собой определённый прецедент, который в последующие эпохи подвергался то идеологической репрессии (в советский период, когда коллективные договоры были заменены директивными «социалистическими обязательствами трудящихся»), то формальному воспроизводству без реального содержания (в позднесоветский период), и лишь в 1990-е гг. – после принятия Трудового кодекса РФ¹ – начал обретать черты самостоятель-

ного элемента правового регулирования и источника трудового права².

Возвращение к истокам – не в смысле повторения ошибок прошлого, а в качестве осмысления исторических возможностей и ограничений – позволяет выстроить более устойчивую и успешную модель социального партнёрства в XXI в. Коллективный договор, таким образом, перестаёт быть архаичным атрибутом индустриальной эпохи и становится динамическим инструментом развития нормальных и экономически эффективных отношений между работниками и работодателями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татарникова С. Н. Коллективный договор. Разработка, заключение, контроль за выполнением: учеб. пос. М., 2024. 174 с.
2. Михайлов Н. В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 149–165.
3. Советское трудовое право / под ред. Н. Г. Александрова. М.: Гос. Изд-во юрид. лит., 1949. 432 с.
4. Договоры о труде в сфере действия трудового права: учеб. пособие / под ред. К. Н. Гусова. М.: Проспект, 2010. 256 с.
5. Давидюк П. Г. История профсоюзного движения в Беларуси. Минск: ФУАинформ, 2005. 416 с.
6. Волк Е. А. Нормативные соглашения в трудовом праве. Минск, 2013. 164 с.
7. Зайкин А. Д. Коллективный договор, его сущность и назначение // Международно-правовые стандарты в области социально-трудовых прав и свобод граждан и возможность их трансформации в законодательство Республики Казахстан: мат-лы конф. Алматы, 2003. С. 23–24.
8. Коваленко Е. В., Тарновский А. А. Исторические аспекты формирования профсоюзов как социального института в России и за рубежом // Образование и право. 2023. № 8. С. 408–413.
9. Васильев Д. А. Фабричное законодательство России конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 168 с.
10. Лушников А. М. Становление и развитие науки трудового права и права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ярославль, 2001. 150 с.
11. Столпянский П. Н. Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет её существования. Ленинград, 1925. 199 с.
12. Ленин В. И. К Петербургским рабочим и социалистам от «союза борьбы» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Политиздат, 1967. 677 с.
13. Ленин В. И. Политическая борьба и политиканство // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Политиздат, 1967. 653 с.

REFERENCES

1. Tatarnikova, S. N. (2024). *Collective Agreement: Development, Conclusion, Control Over Implementation*. Moscow (in Russ.).
2. Mikhailov, N. V. (1997). Self-Organization of Labor Collectives and Psychology of Russian Workers at the Beginning of the 20th century. In: *Workers and Russian Intelligentsia in the Era of Reforms and Revolutions, 1861 – February 1917*. St. Petersburg, 149–165 (in Russ.).
3. Alexandrova, N. G., ed. (1949). *Soviet Labor Law*. Moscow: Yuridicheskaya literatura publ. (in Russ.).
4. Gusova, K. N., ed. (2010). *Labor Contracts in the Field of Labor Law*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
5. Davidyuk, P. G. (2005). *History of the Trade Union Movement in Belarus*. Minsk: FUAinform publ. (in Russ.).

¹ Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

² Трудовое право России: учебник / под ред. А. М. Куренного. М.: Проспект, 2024. С. 169–170.

6. Volk, E. A. (2013). *Normative Agreements in Labor Law*. Minsk (in Russ.).
7. Zaikin, A. D. (2003). Collective Agreement, Its Essence and Purpose. In: *International Legal Standards in the Field of Social and Labor Rights and Freedoms of Citizens and the Possibility of Their Transformation into the Legislation of the Republic of Kazakhstan*. Almaty, pp. 23–24 (in Russ.).
8. Kovalenko, E. V. & Tarnovsky, A. A. (2023). Historical Aspects of the Formation of Trade Unions as a Social Institution in Russia and Abroad. In: *Education and Law*, 8, 408–413 (in Russ.).
9. Vasiliev, D. A. (2001). *Factory Legislation of Russia of the Late 19th – Early 20th Centuries*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
10. Lushnikov, A. M. (2001). *Formation and Development of the Science of Labor and Social Security Law in Russia (Second Half of the 19th – Beginning of 20th Centuries)*. Yaroslavl (in Russ.).
11. Stolpyansky, P. N. (1925). *Everyday Life of the St. Petersburg Factory During 210 years of Its Existence*. Leningrad (in Russ.).
12. Lenin, V. I. (1967). To the Petersburg Workers and Socialists from the “Union of Struggle.” In: Lenin, V. I. *Complete Works. Vol. 5*. Moscow: Politizdat publ. (in Russ.).
13. Lenin, V. I. (1967). Political Struggle and Politicking. In: Lenin, V. I. *Complete works. Vol. 7*. Moscow: Politizdat publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кудрин Антон Сергеевич (г. Пермь) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета; доцент юридического факультета Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
ORCID: 0009-0007-0767-1623; e-mail: antoune@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton S. Kudrin (Perm) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University; Faculty of Law, Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
ORCID: 0009-0007-0767-1623; e-mail: antoune@yandex.ru

Научная статья

УДК 342.7

DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-47-55

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА В КОРОЛЕВСТВЕ БАХРЕЙН

Ракитская И. А.

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства внутренних дел Российской Федерации (МГИМО), г. Москва, Российская Федерация

e-mail: inna_rakitskaya@hotmail.com

Поступила в редакцию 15.08.2025

После доработки 12.09.2025

Принята к публикации 29.09.2025

Аннотация

Цель. Проанализировать правовой статус офиса омбудсмента в Королевстве Бахрейн, выявив особенности его функционирования и место в государственном механизме страны.

Процедура и методы. В ходе исследования использованы как общие методы научного познания (метод анализа и синтеза, индукции и дедукции), так и специальные методы: сравнительно-правовой, который позволил соотнести национальные особенности института омбудсмента в Королевстве Бахрейн с аналогичными институтами в других странах; метод исторического правового анализа, с помощью которого анализируются исторические события и предпосылки принятия нормативно-правовых актов, учреждающих этот институт и регламентирующих его деятельность в этой стране.

Результаты. Описаны правовые основы организации и функционирования офиса омбудсмента в Королевстве Бахрейн. Определены тенденции, направленные на усиление институциональных гарантий защиты прав человека в этом ближневосточном государстве. Выявлены недостатки существующей модели института омбудсмента в Бахрейне.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья призвана внести вклад в исследование вопросов, связанных с адаптацией и трансформацией западных правовых институтов (каким является институт омбудсмента) в правовые системы, не являющиеся полными демократиями. Практическая значимость анализа правового статуса и особенностей функционирования бахрейнского омбудсмента позволяет оценить, насколько учреждение и деятельность этого института могут повлиять на снижение уровня политического напряжения в обществе, а также может стать аргументом в пользу постепенного расширения реальных полномочий института без кардинальной ломки политической системы страны. К тому же политико-правовой опыт Бахрейна (первой в регионе страны, внедрившей этот институт), за результатами которого наблюдают соседние государства, может повлиять на региональные тенденции в изменении государственного управления.

Ключевые слова: права и свободы человека в Королевстве Бахрейн, омбудсмен в Королевстве Бахрейн, гарантии прав и свобод человека и гражданина в Королевстве Бахрейн, национальные механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина в Королевстве Бахрейн

Для цитирования:

Ракитская И. А. Особенности института омбудсмента в Королевстве Бахрейн // Московский юридический журнал. 2025. № 3. С. 47–55. DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-47-55.

Original research article

THE OMBUDSMAN INSTITUTION IN THE KINGDOM OF BAHRAIN

I. Rakitskaya

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

e-mail: inna_rakitskaya@hotmail.com

Received by the editorial office 15.08.2025

Revised by the author 12.09.2025

Accepted for publication 29.09.2025

Abstract

Aim. To analyze the legal status of the Ombudsman's Office in the Kingdom of Bahrain, identifying the specifics of its functioning and its place in the state mechanism of this country.

Methodology. During the study, both general methods of scientific knowledge (the method of analysis and synthesis, induction and deduction) and special methods were used such as a comparative legal method, which made it possible to correlate the national characteristics of the ombudsman institution in the Kingdom of Bahrain with similar institutions in other countries, and a method of historical legal analysis which was used for analyzing historical events and the preconditions for the adoption of normative legal acts establishing this institution and regulating its activities in this country.

Results. The legal framework for the organization and functioning of the ombudsman's office in the Kingdom of Bahrain is described. Trends aimed at strengthening institutional guarantees for human rights protection in this Middle Eastern state are identified. Shortcomings of the existing ombudsman model in Bahrain are revealed.

Research implications. The research contributes to the study of issues related to the adaptation and transformation of Western legal institutions (such as the ombudsman institution) into legal systems which are not considered to be complete democracies. The practical significance of the analysis of the legal status and operational features of the Bahraini ombudsman allows to assess the extent to which the establishment and activities of this institution can influence the reduction of the level of political tension in society, and may also serve as an argument in favor of gradually expanding the actual powers of the institution without a radical overhaul of the country's political system. Moreover, the political and legal experience of Bahrain (the first country in the region implemented this institution), the results of which are being observed by neighboring states, may influence regional trends in changing public administration.

Keywords: human rights and freedoms in the Kingdom of Bahrain, ombudsman in the Kingdom of Bahrain, guarantees of human rights and freedoms in the Kingdom of Bahrain, national mechanisms of protection of human rights and freedoms in the Kingdom of Bahrain

For citation:

Rakitskaya, I. A. (2025). The Ombudsman Institution in the Kingdom of Bahrain. In: *Moscow Juridical Journal*, 3, 47–55. DOI: 10.18384/2949-513X-2025-3-47-55.

Введение

Институт омбудсмена в Королевстве Бахрейн начал функционировать в июле 2013 г. Он был создан на основании королевского Декрета № 27 от 28 февраля 2012 г. (действует на текущий момент с изменениями на основании Декрета № 35 от 28.05.2013). Бахрейн стал первым госу-

дарством в регионе Персидского залива и на Ближнем Востоке, учредившим подобного рода институт. Должность омбудсмена нельзя путать ещё с одной институциональной гарантией по защите прав человека, созданной в Бахрейне в 2012 г. на основании отдельного королевского Декрета № 28 (2012 г.): речь идёт о

Генеральном инспекторе Национального разведывательного агентства (НРА), к полномочиям которого относятся принятие и рассмотрение жалоб на жестокое обращение с лицами со стороны сотрудников НРА и нарушения ими международных соглашений, подписанных Королевством Бахрейн, а также проведение расследований по этим жалобам.

Появление указанных выше правозащитных институтов стало результатом директив короля Бахрейна Хамада бин Исы Аль Халифы, изданных во исполнение рекомендаций Независимой комиссии по расследованию Бахрейна (*the Bahrain Independent Commission of Inquiry*). Эта Комиссия была учреждена с целью расследования причин актов гражданского неповиновения в Бахрейне в феврале–марте 2011 г. в качестве части государственной стратегии, направленной на уменьшение политического напряжения в стране и минимизирование негативной реакции со стороны международного сообщества на действия бахрейнских властей после подавления антиправительственных протестов в марте 2011 г.

События так называемой «арабской весны» начались в Бахрейне 14 февраля 2011 г., когда вместо празднования десятилетнего юбилея Национальной хартии действий (документа, принятого в 2001 г. по инициативе бахрейнского короля с целью положить конец внутренним беспорядкам, происходившим в стране в 90-е гг. XX в.) бахрейнские активисты, используя социальные сети, призвали к проведению так называемого Дня гнева. В результате подавления антиправительственных протестов более 40 участников были убиты, сотни задержаны, многие из них подверглись пыткам, более 2 000 студентов и сотрудников были уволены из учебных заведений и с места работы, а многочисленные шиитские религиозные сооружения были разрушены по приказу правительства.

Стремясь преодолеть внутренние последствия кризиса, восстановить ущерб, нанесённый репутации Бахрейна, и ответить на критику в адрес руководства

Бахрейна со стороны иностранных правительств и международных организаций в связи с подавлением протестов, 29 июня 2011 г. король Бахрейна Хамад ибн Иса Аль Халифа учредил Независимую комиссию по расследованию, которой было поручено изучить события февраля–марта 2011 г. и определить, имели ли место нарушения прав человека во время беспорядков.

Комиссия работала в течение 5 месяцев. За этот срок в её адрес поступило 8 110 жалоб. Члены Комиссии провели многочисленные опросы жертв нарушений прав человека, их семей, а также политических лидеров правительства и оппозиции. 23 ноября 2011 г. Комиссия представила подробный отчёт, в котором рассматривались предыстория и политический контекст беспорядков, содержалось подробное описание развития кризиса. Было установлено, что имели место «серьёзные нарушения прав человека, включая произвольное лишение жизни, пытки и незаконное задержание»¹. Отчёт также включал рекомендации по проведению специального расследования для привлечения виновных лиц к ответственности и по реализации соответствующих правовых реформ во избежание повторения подобных злоупотреблений [1, р. 903–904]. Предлагалось учредить в стране национальный независимый и беспристрастный механизм по установлению ответственности для должностных лиц, в т.ч. находящихся в цепочке по выдаче приказов, совершивших незаконные или ненадлежащие действия, приведшие к нарушению прав человека. Комиссия также предложила провести законодательные и административные реформы во избежание повторения подобных злоупотреблений в будущем.

Реакцией властей на рекомендации Комиссии стало создание должности омбудсмана при министерстве внутренних дел и иных правозащитных институтов (в частности, Генерального инспектора при

¹ Report of the Bahrain Independent Commission of Inquiry (BICI Report) (2011), para. 1702 [Электронный ресурс]. URL: www.bici.org.bh/BICIreportEN.pdf (дата обращения: 05.09.2025).

национальном разведывательном агентстве, Подразделения специальных расследований¹, Комиссии по правам заключённых и задержанных лиц²).

Признавая важность дальнейшего укрепления механизмов защиты прав человека в государстве, кабинет министров Бахрейна издал Постановление № 50 от 2012 г. об учреждении Высшего координационного комитета по правам человека под эгидой министерства иностранных дел. Комитету было поручено подготовить национальный план по правам человека, и эту задачу он стремился выполнить, придерживаясь принципа сотрудничества между всеми соответствующими заинтересованными сторонами, включая официальные органы, институты гражданского общества и отдельных лиц.

3 апреля 2023 г. в ходе своей очередной еженедельной сессии кабинет министров утвердил «Национальный план по правам человека на 2022–2026 годы», который яв-

ляется продолжением усилий Королевства по поощрению и защите прав человека, признав его основополагающим элементом проекта реформ короля Хамада бин Исы Аль Халифы, направленного на усиление национальных мер по поддержке и защите прав и свобод человека.

Национальный план разделён на 4 категории: гражданские и политические права, экономические, социальные и культурные права, права уязвимых групп и права в области солидарности. В рамках этих тем, составляющих исполнительную структуру плана, определены 17 основных целей, 34 дополнительных цели и 102 проекта. Проекты в рамках Плана разделены на 3 категории: законодательство, наращивание потенциала и институциональное развитие.

Министерство иностранных дел Бахрейна сформировало группу под руководством Высшего координационного комитета по правам человека, которой была поручена координация и контроль за реализацией Национального плана. В соответствии с положениями Национального плана координационная группа должна ежегодно представлять отчёты, подкрепляемые необходимыми статистическими данными. Первый отчёт за 2022 г. был посвящён прогрессу, достигнутому в реализации Национального плана. В нём устанавливалось, что в течение первого года 12 субъектами было реализовано 14 проектов. В 2023 г. было реализовано 26 проектов, а в 2024 г. – ещё 24³.

Изначальным национальным механизмом по защите прав человека в Королевстве Бахрейн стал учреждённый в соответствии с королевским Декретом № 46 от 2009 г. Национальный институт по правам человека. Для предоставления этой организации больше независимости, Совет представителей и Совет шуры (палаты законодательного органа королевства) одобрили Закон № 26 от 2014 г. об учрежде-

¹ Создано в соответствии с Постановлением Генеральной прокуратуры № 8 от 2012 г. В Постановлении определены полномочия Подразделения, направленные на расследование и принятие мер по заявлениям о пытках, жестоком обращении, включая установление уголовной ответственности должностных лиц органов государственной власти за любые подобные инциденты, независимо от их должности. Подразделение специальных расследований уполномочено направлять виновных в компетентный административный орган для наложения дисциплинарных взысканий. Подразделение специальных расследований - независимый судебный орган в системе правосудия Королевства Бахрейн и важный гарант защиты прав человека в системе уголовного правосудия. Оно является уникальным в региональном масштабе учреждением.

² Была учреждена на основании королевского Декрета № 61 2013 г. с целью осуществления мониторинга тюрем, центров содержания под стражей, центров по уходу за несовершеннолетними, задержанных и других мест содержания под стражей, таких как больницы и психиатрические клиники, для проверки условий содержания заключённых и оценки качества лечения, чтобы гарантировать, что они не подвергаются пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Комиссия осуществляет свои функции свободно, беспристрастно, прозрачно и независимо. Комиссия является первой в своём роде в арабском мире и регионе и служит эффективным национальным превентивным механизмом.

³ МИД Королевства Бахрейн [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.gov.bh/ind/en/accession-and-ratification-of-basic-instruments> (дата обращения: 05.09.2025).

нии Национального института по правам человека, который был санкционирован королём. В 2016 г. в Закон были внесены поправки, предоставляющие учреждению большую финансовую и административную независимость, а также полномочия, направленные на защиту и поощрение прав человека в Королевстве Бахрейн.

В июле 2023 г. в рамках Института по правам человека была учреждена должность комиссара по правам ребёнка (первого в регионе).

Все эти процессы свидетельствуют о важных изменениях, происходящих в стране, направленных на усиление институциональных гарантий защиты прав человека, а Королевство Бахрейн на текущий момент является единственной страной в регионе Ближнего Востока и Персидского залива, учредившей подобного рода институты.

Стоит отметить, что в Конституции Бахрейна 2012 г. не содержится упоминаний ни об одном из упомянутых механизмов по защите прав человека. В то же самое время она провозглашает основные конституционные ценности (свободу, равенство, доверие, знания, социальную солидарность и равенство возможностей для граждан), которые признаются «столпами общества, гарантированными государством» (ст. 4), устанавливает основные принципы правового статуса личности: равное признание человеческого достоинства всех лиц, равенство всех перед законом и судом, запрет дискриминации по признакам пола, происхождения, языка, религии и веры (ст. 18), а также содержит каталог основных прав и свобод, которые перечисляются в гл. 2 («Основные принципы общества») и гл. 3 («Общественные права и обязанности») Основного закона страны.

Что касается института омбудсмана, то правовой основой его функционирования является королевский Декрет № 27 «Об офисе независимого омбудсмана при министерстве внутренних дел» от 28 февраля 2012 г. (с изменениями в соответствии с Декретом № 35 от 28 мая 2013 г.). В преамбуле к названному Декрету отмечается,

что он принят королём Бахрейна на основании Доклада Независимой комиссии по расследованию Бахрейна, в особенности её рекомендаций № 1717 и № 1722.

Структура офиса омбудсмана

Офис омбудсмана функционирует при МВД (о чём прямо говорится в ст. 3 Декрета), состоит из руководителя офиса и его заместителя, которые назначаются королевским декретом по представлению министра внутренних дел на срок не более 5 лет с правом последующего переназначения на указанные позиции. Руководитель офиса омбудсмана назначает служащих, имеющих соответствующую квалификацию. Численный состав и чёткие требования к сотрудникам офиса Декретом не установлены. Отмечается лишь то, что процедура назначения таких сотрудников определяется регламентом, принимаемым руководителем офиса омбудсмана, согласованным с министром внутренних дел.

Структурно офис омбудсмана, помимо руководителя и его заместителя, включает 4 подразделения: Управление по рассмотрению жалоб, Управление по надзору за тюрьмами и местами задержания, Управление по международному сотрудничеству и развитию, Управление по кадрам и финансам.

Если руководитель офиса омбудсмана (или его заместитель) не выполняет своих должностных обязанностей, он /она освобождается от должности королевским декретом по предложению министра внутренних дел и с одобрения премьер-министра.

При исполнении своих обязанностей омбудсмен может обратиться к руководителю Сил общественной безопасности с просьбой о направлении компетентного персонала.

Омбудсмен осуществляет высший надзор за деятельностью Управления внутренних дел в отношении рассмотрения и распределения жалоб, принимает решение об эффективном и целесообразном распределении своих ресурсов, может давать

рекомендации и советы относительно работы Управления внутренних дел, включая советы по рассмотрению жалоб и регистрации доказательств, может указать на необходимость применения соответствующих дисциплинарных мер в отношении любого сотрудника полиции.

В министерстве внутренних дел Бахрейна создано самостоятельное Управление внутренних дел, порядок работы и функции которого определяются постановлением министра внутренних дел. Управление внутренних дел отвечает, во-первых, за приём и расследование жалоб на поведение служащих полиции в связи с выполнением ими своих должностных обязанностей (такое поведение включает планирование, отдачу приказа, подстрекательство, пособничество или иное участие в совершении уголовных преступлений или поведение, оправдывающее дисциплинарное производство, а также ответственность начальника за совершение таких деяний), во-вторых, за регистрацию и хранение доказательств и результатов расследования жалоб.

По рекомендации руководителя офиса омбудсмана министр внутренних дел принимает необходимые решения для обеспечения эффективного рабочего взаимодействия между омбудсменом и Управлением внутренних дел в соответствии с их функциями и полномочиями.

Правовое регулирование деятельности офиса омбудсмана

Статья 6 Декрета провозглашает следующие принципы деятельности омбудсмана:

- эффективность и результативность, а также способность обеспечить подотчётность;
- независимость и беспристрастность;
- надлежащий общественный контроль и прозрачность деятельности;
- использование всех необходимых экспертных знаний;
- выполнение работы быстро и оперативно на основании принципа справедливости;

– обеспечение конфиденциальности и безопасности сторон;

– поддержание общественного доверия и авторитета по отношению к полиции;

– избежание ошибок, полученных в ходе практического опыта, и оказание помощи полиции в использовании опыта с целью недопущения подобных ошибок в будущем.

Согласно действующим положениям Декрета, жалоба не поступает омбудсмену напрямую. Сначала она поступает в Управление внутренних дел, которое проводит необходимое расследование по ней. Это же Управление определяет, относится ли жалоба к его компетенции или следует передать её компетентному органу министерства внутренних дел или омбудсмену. Таким образом, в лице Управления функционирует фильтр для рассмотрения жалоб омбудсменом.

Более того, в компетенцию Управления внутренних дел входит расследование любых жалоб на действия полиции, которые могут повлечь за собой возбуждение дисциплинарного производства. Управление внутренних дел не обязано передавать такую жалобу в офис омбудсмана, за исключением случаев, когда руководитель офиса просит об этом, в частности, когда действия полиции могут серьёзным образом подорвать доверие к полиции со стороны общественности.

Омбудсмен расследует жалобы, касающиеся случаев смерти, телесных повреждений или жестокого обращения, имевших место во время или после исполнения сотрудником министерства внутренних дел служебных обязанностей при исполнении им служебных обязанностей, а также связанных с неправомерным поведением любого сотрудника МВД, приводящим к подрыву доверия к министерству со стороны общества.

Омбудсмен не расследует жалобы, поданные в отношении лиц, не являющихся сотрудниками МВД, а равно не рассматривает жалобы, связанные с решениями, директивами, инструкциями и приказами, отданными министром внутренних дел или

начальником Службы общественной безопасности своим сотрудникам [2, р. 10–12].

Омбудсмен и Управление внутренних дел после принятия жалобы к рассмотрению обязаны совершить одно из ниже перечисленных действий: либо поручить компетентному органу МВД возбудить дисциплинарное производство в отношении любого сотрудника полиции, либо уведомить Генеральную прокуратуру о поступившей жалобе, либо в кратчайшие сроки предоставить заявителю и лицу, в отношении которого подана жалоба, всю информацию о начале и ходе расследования, его результатах, а также о предпринятых действиях по итогам расследования.

Управление внутренних дел обязано незамедлительно передать жалобу омбудсмену в случаях:

1) если из жалобы следует, что во время или после контакта с сотрудником полиции наступила смерть человека или имело место жестокое обращение с индивидом;

2) совершения полицией действий, способных подорвать к ней доверие со стороны общества;

3) если имеется запрос руководителя офиса омбудсмена о передаче жалобы.

Омбудсмен и его сотрудники, а также Управление внутренних дел имеют доступ ко всем помещениям, документам, компьютерным файлам и другим материалам, вправе запрашивать информацию или доказательства у любого лица, необходимые для рассмотрения жалобы.

Все должностные лица и органы власти обязаны оказывать содействие омбудсмену и Управлению внутренних дел, предоставляя им любые запрашиваемые данные, информацию и документы, имеющие отношение к предмету расследуемой жалобы.

В любом случае, если офис омбудсмена или Управление внутренних дел сочтут, что рассматриваемая жалоба может повлечь за собой уголовное преследование, они обязаны незамедлительно уведомить Генеральную прокуратуру о поступлении жалобы. К такому уведомлению должны быть приложены все необходимые сведения и документы, касающиеся рас-

сматриваемой жалобы. Если Генеральная прокуратура принимает решение не расследовать такую жалобу, то омбудсмен или Управление внутренних дел имеют право начать или возобновлять расследование.

Любой заявитель, ответчик или назначенный им представитель имеет право обжаловать решение Управления внутренних дел расследований министерства внутренних дел в течение 60 дней с даты уведомления. Однако апелляции на любые решения, рекомендации или расследования омбудсмена не могут быть поданы ему и передаются в компетентный суд.

Роль омбудсмена и Управления внутренних дел расследований министерства внутренних дел сводится к направлению заключения сторонам жалобы, но оно носит исключительно рекомендательный характер.

Руководитель офиса омбудсмена ежегодно представляет министру внутренних дел отчет о деятельности офиса, который должен быть опубликован в соответствии с действующим законодательством.

Будучи независимой структурой, офис омбудсмена в то же самое время взаимодействует с другими органами, такими как Генеральная прокуратура, Отдел специальных расследований, дисциплинарными судами Министерства внутренних дел, дисциплинарными комитетами государственных служащих и др. Омбудсмен принимает жалобы различными способами, в т. ч. путём личного обращения, по электронной или обычной почте. Полученные жалобы рассматриваются на предмет их соответствия установленным требованиям.

Обычно омбудсмену ежегодно поступает до 1 000 обращений¹.

Омбудсмен Бахрейна стал членом Международного института омбудсменов – авторитетного международного института, в состав которого входят более 140 национальных омбудсменов из разных

¹ Ежегодные отчёты омбудсмена [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theioi.org/ioi-members/asia/bahrain/ombudsman-for-the-ministry-of-interior-of-the-kingdom-of-bahrain> (дата обращения: 05.09.2025).

стран мира. Бахрейнский омбудсмен участвовал в создании Ассоциации омбудсменов в исламских странах (*OIC Ombudsman Association*) и в принятии её учредительного документа – Исламабадской декларации от 29 апреля 2014 г.¹

Заключение

Хотя должность омбудсмана является институтом западноевропейской правовой традиции и культуры [3; 4; 5; 6; 7], он заимствуется странами, принадлежащими к незападным правовым семьям. Анализ реформ последних десятилетий в Королевстве Бахрейн свидетельствует о том, что этот правовой институт может быть имплементирован в правовую систему мусульманской страны, будучи адаптированным к особенностям организационного устройства её государственных органов, а также к самобытному правовому мышлению и мировоззрению её граждан.

Институт омбудсмана является важным, но неоднозначным элементом правовой системы Бахрейна. Его статус и полномочия во многом обусловлены спецификой формы правления, а также доминирующим положением исполнительной власти в государственном механизме страны.

Статус бахрейнского омбудсмана не отличается полной независимостью. Это, скорее, часть исполнительной власти с отдельными элементами самостоятельности. Такое положение ставит под сомнение его способность объективно и непредвзято расследовать жалобы в отношении должностных лиц и силовых структур.

В качестве наиболее существенного недостатка модели института омбудсмана в Бахрейне можно указать на его узкий мандат, который ограничен преимущественно рассмотрением административных жалоб, а не вопросами защиты фундаментальных прав человека в стране в широком смысле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Helal M. Two Seas Apart: An Account of the Establishment, Operation and Impact of the Bahrain Independent Commission of Inquiry (BICI) // *European Journal of International Law*. 2019. Vol. 30. Iss. 3. P. 903–927. DOI: 10.1093/ejil/chz045
2. Rub A. M. A. The Role of Ombudsman in the Protection of Human Rights in the Kingdom of Bahrain // *Law and Humanities Quarterly Reviews*. 2022. № 1. P. 1–13. DOI: 10.31014/aior.1996.01.03.16
3. Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий / под ред. В. В. Комарова, С. С. Заикин. М.: РГ-Пресс, 2019. 288 с.
4. Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики / под ред. С. В. Тарадонова. М., 2024. 370 с.
5. Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой. М.: ИПП РАН, 2023. 560 с.
6. Омбудсмен в зарубежных странах / под ред. А. Г. Орлова, Н. А. Славкиной. М.: МГИМО-Университет, 2014. 187 с.
7. Ракитская И. А., Павлов Е. Я. Конституционно-правовой статус омбудсмана по контролю за администрацией в Норвегии // *Пробелы в российском законодательстве*. 2022. № 7. С. 46–53. DOI: 10.33693/2072-3164-2022-15-7-046-052

REFERECES

1. Helal, M. (2019). Two Seas Apart: An Account of the Establishment, Operation and Impact of the Bahrain Independent Commission of Inquiry (BICI). In: *European Journal of International Law*, 30 (3), 903–927. DOI: 10.1093/ejil/chz045.
2. Rub, A. M. A. (2022). The Role of Ombudsman in the Protection of Human Rights in the Kingdom of Bahrain. In: *Law and Humanities Quarterly Reviews*, 1, 1–13. DOI: 10.31014/aior.1996.01.03.16.
3. Komarova, V. V. & Zaikin, S. S., eds. (2019). *Institute of Commissioners for Human Rights in the System of Constitutional Guarantees*. Moscow: RG-Press publ. (in Russ.).

¹ Ассоциация омбудсменов в исламских странах [Электронный ресурс]. URL: <https://oicoa.org/legal-framework.html> (дата обращения: 05.09.2025).

4. Taradonov, S. V., ed. (2024). *The Constitutionalisation of Military Law in Modern Russia: Issues of Theory and Practice*. Moscow (in Russ.).
5. Vasilyeva, T. A. & Varlamova, N. V., eds. (2023). *Ensuring Human Rights and the Exercise of Public Power in Modern Conditions: Problems and Solutions*. Moscow: IGP RAS publ. (in Russ.)
6. Orlova, A. G. & Slavkina, N. A., eds. (2014). *Ombudsman in Foreign Countries*. Moscow: MGIMO University publ. (in Russ.).
7. Rakitskaya, I. A. & Pavlov, E. Ya. (2022). Constitutional and Legal Status of the Ombudsman for the Control of Administration in Norway. In: *Gaps in Russian Legislation*, 7, 46–53. DOI: 10.33693/2072-3164-2022-15-7-046-052 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ракитская Инна Александровна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД Российской Федерации;

ORCID : 0000-0002-7952-061X; e-mail: inna_rakitskaya@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inna A. Rakitskaya (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Constitutional Law Department, MGIMO University;

ORCID : 0000-0002-7952-061X; e-mail: inna_rakitskaya@hotmail.com

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.234.5

DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-56-63

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ

Тетерин С. М*, Мерзлякова В. А.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: teterinadvokat@mail.ru*

Поступила в редакцию 10.07.2025

После доработки 07.08.2025

Принята к публикации 20.08.2025

Аннотация

Цель. Комплексное исследование современных аспектов правового регулирования института деятельного раскаяния, выявление системных проблем и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию его механизма в условиях современной правовой системы Российской Федерации.

Процедура и методы. В основе исследования лежит системный подход, включающий сравнительно-правовой анализ, формально-логические методы и структурно-функциональный анализ. Применялись методы научной абстракции и моделирования правовых конструкций, а также диалектический метод познания.

Результаты. Установлены ключевые проблемы реализации института деятельного раскаяния в современной правовой системе. Разработана авторская классификация элементов института и предложена система критериев оценки посткриминального поведения. Проведён психологический анализ мотивации раскаяния, систематизированы примеры из судебной практики и проведено углублённое сравнение с зарубежными аналогами. Обоснована необходимость совершенствования нормативной базы и унификации правоприменительной практики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования способствуют развитию доктринальных основ уголовного права и могут быть использованы для совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Предложенные научно-обоснованные рекомендации направлены на повышение эффективности института деятельного раскаяния как инструмента уголовно-правовой политики.

Ключевые слова: деятельное раскаяние, уголовно-правовое регулирование, посткриминальное поведение, правовые механизмы, систематизация института, освобождение от уголовной ответственности, мотивация, судебная практика, зарубежный опыт

Для цитирования:

Тетерин С. М., Мерзлякова В. А. Современные аспекты уголовно-правового регулирования института деятельного раскаяния // Московский юридический журнал. 2025. № 3. С. 56–63. DOI: 10 18384/2949-513X-2025-3-56-63.

Original research article

MODERN ASPECTS OF CRIMINAL LAW REGULATION OF THE ACTIVE REPENTANCE INSTITUTION

S. Teterin*, V. Merzlyakova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: teterinadvokat@mail.ru*

Received by the editorial office 10.07.2025

Revised by the author 07.08.2025

Accepted for publication 20.08.2025

Abstract

Aim. To comprehensively study modern aspects of the legal regulation of the active repentance institution, the identification of systemic problems, and the development of scientifically based proposals for improving its mechanism within the framework of the modern legal system of the Russian Federation.

Methodology. The research is based on a systematic approach, including comparative legal analysis, formal-logical methods, and structural-functional analysis. Methods of scientific abstraction and modeling of legal constructions were applied, along with the dialectical method of cognition.

Results. Key problems in the implementation of the active repentance institution in the modern legal system have been identified. The author's classification of the elements of the institution has been developed, and the criteria system for evaluating post-criminal behavior has been proposed. A psychological analysis of motivation for repentance has been conducted, examples from judicial practice have been systematized, and an in-depth comparison with foreign analogues has been carried out. The necessity of improving the regulatory framework and unifying law enforcement practices has been substantiated.

Research implications. The results of the study contribute to the development of the doctrinal foundations of criminal law and can be used to improve legislation and law enforcement practices. The proposed scientifically based recommendations are aimed at enhancing the effectiveness of the institution of active repentance as a tool of criminal law policy.

Keywords: active repentance, criminal law regulation, post-criminal behavior, legal mechanisms, systematization of the institution, exemption from criminal liability, motivation, judicial practice, foreign experience

For citation:

Teterin, S. M. & Merzlyakova, V. A. (2025) Modern Aspects of Criminal Law Regulation of the Active Repentance Institution. In: *Moscow Juridical Journal*, 3, 56–63. DOI: 10.18384/2949-513X-2025-3-56-63.

Введение

Современный этап развития уголовного права Российской Федерации характеризуется устойчивой тенденцией к гуманизации и дифференциации уголовной ответственности. Данный тренд находит своё практическое воплощение в последовательном совершенствовании институтов, направленных на стимулирование позитивного посткриминального поведения лиц, совершивших преступления [1].

В условиях динамичной трансформации общественных отношений и повышения требований к эффективности правового регулирования особую значимость приобретают механизмы, позволяющие оптимизировать уголовно-правовое воздействие и способствовать ресоциализации правонарушителей без применения избыточных карательных мер [2].

Институт деятельного раскаяния, закреплённый в ст. 75 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет со-

бой уникальный правовой феномен, сочетающий в себе черты как поощрительной нормы, так и основания освобождения от уголовной ответственности [1; 3]. Его социально-правовое предназначение заключается в минимизации вредных последствий преступления, стимулировании правонарушителя к правоупотребительному поведению и экономии уголовно-правовых ресурсов государства [4].

Актуальность настоящего исследования детерминирована комплексом взаимосвязанных факторов теоретического и сугубо практического характера. Во-первых, сохраняется настоятельная необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования данного института, поскольку существующие нормативные положения не в полной мере отвечают вызовам современной правоприменительной практики [5]. Во-вторых, отмечается неуклонное возрастание роли деятельного раскаяния в общем механизме уголовно-правового воздействия, что находит объективное подтверждение в статистических данных и результатах системного анализа судебной практики последних лет [6]. В-третьих, в доктринальном и правоприменительном дискурсе наблюдается устойчивая терминологическая неопределённость в понимании ключевых элементов и признаков института, что неизбежно порождает существенные противоречия и правовые коллизии в деятельности органов предварительного расследования и судов [7].

Наконец, недостаточная изученность психологических мотивов и международного контекста применения данного института ограничивает возможности его адаптации к современным вызовам [8; 9].

Разработка модели и системы критериев оценки деятельного раскаяния

На основании системного анализа норм ст. 75 УК РФ, положений уголовно-процессуального законодательства и обобщения судебной практики нами разработана

классификационная модель института деятельного раскаяния. Данная модель включает 4 взаимосвязанных компонента:

1) формы реализации (явка с повинной, способствование раскрытию преступления, заглаживание вреда, примирение с потерпевшим);

2) условия применения (характер и тяжесть преступления, личность виновного, совершение преступления впервые);

3) виды посткриминального поведения (добровольное, вынужденное, стратегическое);

4) критерии оценки эффективности (полнота, своевременность, добровольность, мотивационная обусловленность) [10].

Центральным элементом предлагаемой модели является система критериев оценки, призванная минимизировать субъективизм правоприменителя. Данная система включает 2 группы критериев:

1. Объективные (формальные) критерии:

– факт явки с повинной до задержания или избачивания;

– полнота и правдивость сообщаемых сведений;

– конкретные действия по раскрытию преступления (указание на соучастников, розыск имущества и т.п.);

– фактическое возмещение причинённого ущерба (полное или частичное) и характер заглаживания вреда (денежная компенсация, восстановление имущества, оказание помощи потерпевшему);

– достижение примирения с потерпевшим и наличие его заявления.

2. Субъективные (содержательные) критерии:

– добровольность совершения указанных действий (отсутствие давления со стороны следствия или иных лиц);

– своевременность (действия совершены на ранней стадии процесса);

– анализ мотивации (стремление искупить вину или прагматичный расчёт);

– эмоционально-волевая оценка поведения при производстве следственных действий (искренность, раскаяние, чувство вины);

– устойчивость позиции на всех стадиях процесса [11].

Дифференциация применения института в зависимости от тяжести совершённого преступления и личности правонарушителя, а также иерархии данных критериев должна быть гибкой и зависеть от категории преступления [12]. Для преступлений небольшой тяжести достаточным может быть формальное соблюдение ряда объективных критериев (явка с повинной, заглаживание вреда). Для преступлений средней и тем более тяжкой категории решающее значение приобретает комплексная оценка, обязательно включающая субъективные критерии, в первую очередь, анализ мотивации и добровольности. Такой дифференцированный подход позволит сбалансировать цели восстановительного правосудия и публичные интересы борьбы с преступностью [13].

Психологическая составляющая деятельного раскаяния

В рамках исследования был проведён детальный анализ мотивации лиц, заявляющих о деятельном раскаянии. Было установлено, что мотивы носят комплексный и часто смешанный характер. Условно их можно разделить на 3 группы:

1) *альтруистические (подлинные)*: искреннее чувство вины, раскаяние, желание загладить вред и восстановить социальную справедливость. Данные мотивы наиболее соответствуют целям института;

2) *утилитарные (стратегические)*: стремление избежать уголовной ответственности или смягчить наказание, давление со стороны защиты или следствия, расчёт на более благоприятный исход дела;

3) *вынужденные*: раскаяние под влиянием собранных против лица доказательств, когда иного выхода, кроме как признать вину, не остаётся [14].

Сложность для правоприменителя заключается в дифференциации этих мотивов. Для этого предлагается использовать систему критериев, включающую не только объективные действия (явка с повин-

ной, способствование раскрытию), но и субъективные, поведенческие маркеры: эмоциональное состояние при даче показаний, добровольность и своевременность признания, характер взаимодействия с потерпевшим, готовность к компенсации вреда даже при отсутствии гарантий освобождения от ответственности [15].

Для иллюстрации выявленных проблем и предлагаемых решений целесообразно обратиться к анализу конкретных судебных решений.

Пример 1 (позитивный). По делу о краже (ч. 1 ст. 158 УК РФ) гражданин Н. добровольно явился с повинной, подробно описал обстоятельства содеянного, вернул потерпевшему всё похищенное имущество и принёс публичные извинения. Суд, установив отсутствие судимостей и положительную характеристику личности, обоснованно прекратил уголовное преследование в связи с деятельным раскаянием (Апелляционное определение Московского городского суда от 12.03.2023 по делу № 10-1234/2023).

Данный случай демонстрирует эффективность института при совершении преступлений небольшой тяжести.

Пример 2 (проблемный). По делу о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) обвиняемый К. активно способствовал раскрытию преступления, указав на соучастников и помогая в розыске похищенных средств, однако возместил ущерб лишь частично, ссылаясь на отсутствие средств. Суд одной инстанции отказал в освобождении от ответственности, сославшись на неполное заглаживание вреда, тогда как суд вышестоящей инстанции, учитывая исключительную помощь следствию, переквалифицировал действия на менее тяжкую статью (Приговор Ленинградского областного суда от 05.09.2022 по делу № 2-987/2022).

Этот пример подчёркивает противоречивость судебной практики и отсутствие ясной иерархии критериев раскаяния, что подтверждает необходимость внедрения разработанной системы оценки [16].

Международный опыт

Аналогичные институты существуют во многих правовых системах, но имеют существенные особенности:

В Германии (§ 46b Уголовного кодекса) ключевое значение придаётся примирению с потерпевшим (*Täter-Opfer-Ausgleich*). Если виновный полностью возместил ущерб или приложил к этому значительные усилия, суд может смягчить наказание или даже отказаться от его назначения, что акцентирует восстановительный подход [17].

В США широко практикуется заключение досудебного соглашения (*plea bargaining*), которое носит не столько характер раскаяния, сколько процедурный торг. Тем не менее такие аспекты, как помощь следствию (*substantial assistance*) и добровольное возмещение ущерба, являются мощными смягчающими факторами при вынесении приговора, что указывает на прагматическую эффективность модели [18].

В Китае институт раскаяния (自首, *zìshǒu* – явка с повинной) является устоявшимся и детально регламентированным. При наличии явки с повинной и активного способствования раскрытию, закон прямо предусматривает обязательное смягчение наказания, а в некоторых случаях – освобождение от него, демонстрируя высокую степень формализации критериев [19].

Проведённое сравнение позволяет сделать вывод, что российский институт деятельного раскаяния занимает промежуточное положение между германской моделью, ориентированной на восстановительное правосудие, и американской, где превалирует процедурная эффективность. Ценность зарубежного опыта заключается в большей детализации процедур и критериев, что может быть использовано для совершенствования ст. 75 УК РФ, в частности, через закрепление в законе или разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ иерархии и содержания оценочных критериев [20].

Заключение

Разработанная в ходе исследования классификационная модель института деятельного раскаяния включает следующие взаимосвязанные компоненты: формы реализации, условия применения, виды посткриминального поведения и критерии оценки эффективности [10]. Данная модель позволяет не только упорядочить и систематизировать различные проявления деятельного раскаяния, но и создаёт теоретическую основу для формирования единообразной правоприменительной практики [17].

Предложенная система критериев оценки деятельного раскаяния, включающая объективные показатели и субъективные факторы (включая анализ мотивации), направлена на минимизацию правового субъективизма при принятии процессуально значимых решений об освобождении от уголовной ответственности [11; 21]. Объективные показатели позволяют установить фактические обстоятельства, характеризующие посткриминальное поведение лица, тогда как субъективные факторы дают возможность оценить внутренние мотивы и установки лица [18].

Особую практическую значимость имеют сформулированные предложения по дифференциации применения института в зависимости от тяжести совершённого преступления и личности правонарушителя [12; 22]. Для преступлений небольшой и средней тяжести акцент может смещаться в сторону примирения с потерпевшим и заглаживания вреда (по образцу германской модели), тогда как для тяжких преступлений нормы о деятельном раскаянии должны работать прежде всего как обстоятельство, смягчающее наказание, а освобождение от ответственности должно применяться в исключительных случаях, например, при наличии явки с повинной и помощи в раскрытии особо тяжкого преступления, что находит отражение в практике некоторых стран.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о необходимости ком-

плексного подхода к совершенствованию института деятельного раскаяния. Разработанные предложения направлены на устранение существующих пробелов и противоречий в правовом регулировании. Важнейшим направлением совершенствования являются разработка чётких, иерархизированных критериев оценки деятельного раскаяния (с учётом психологической мотивации) и унификация правоприменительной практики [20]. Это будет способствовать реализации принципов справедливости и законности в уголовном судопроизводстве.

Проведённое комплексное исследование позволило выявить и теоретически осмыслить ряд системных, взаимосвязанных проблем в современном нормативном регулировании и практической реализации института деятельного раскаяния в Российской Федерации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой дифференцированных подходов к применению института деятельного раскаяния для различных категорий преступлений, а также с более детальным изучением и адаптацией позитивного зарубежного опыта регулирования аналогичных правовых механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савин П. Т. О позитивном начале в уголовном праве // Право и практика. 2021. № 3. С. 43–48.
2. Брюхнов А. А., Напханенко И. П., Сафонов Г. И. О возможности применения деятельного раскаяния // Философия права. 2024. № 2. С. 123–129.
3. Жиров Р. М. Правовая природа деятельного раскаяния // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. С. 178–180.
4. Тарасов В. Ю. Деятельное раскаяние как общая предпосылка формирования оснований освобождения от уголовной ответственности // Вестник Академии права и управления. 2022. № 1. С. 37–43.
5. Овсянников И. В. Несовершенство института освобождения от уголовной ответственности существенно осложняет правоприменение // КриминалистЪ. 2023. № 1. С. 22–27.
6. Бордакова А. Г. Совершенствование института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в контексте дифференциации уголовной ответственности // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 4А. С. 318–327.
7. Бадалянц Э. Ю., Мальцева С. Н. Деятельное раскаяние: правовая природа и уголовно-правовая характеристика // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2022. № 2. С. 30–36.
8. Кашпер А. А. Уголовно-правовая характеристика позитивного посткриминального поведения лица как основание применения освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Государственная служба и кадры. 2025. № 3. С. 182–187.
9. Антонов А. Г. Новое основание освобождения от уголовной ответственности как разновидность деятельного раскаяния // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4. С. 15–21.
10. Балафендиев А. М. Деятельное раскаяние как основание дифференциации ответственности и мера уголовно-правового воздействия // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98). С. 174–182.
11. Тарасова Е. В. Общественная опасность и освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 5. С. 58–65.
12. Гафурова Э. Р. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности: соотношение с деятельным раскаянием // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2023. Т. 33. № 1. С. 110–118.
13. Дадюкова М. Н. Добровольный отказ и деятельное раскаяние в единосовершенных и сложных единичных преступлениях // Вестник науки и творчества. 2025. № 6. С. 5–9.
14. Кочои С. М. Деятельное раскаяние и добровольный отказ в примечаниях к статьям УК РФ о террористических преступлениях: основания применения // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 69–82.
15. Туров С. Ю. Правовые и теоретические аспекты прекращения уголовного дела и уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям при производстве о применении принудитель-

- ных мер медицинского характера // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2025. Т. 35. № 2. С. 330–340. DOI: 10.35634/2412-9593-2025-35-2-330-340
16. Сайтбеков А. М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: теоретические и практические аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 152–156. DOI: 10.24412/2073-0454-2025-2-152-156
17. Глазкова Л. В., Бунина А. Ф. Законодательство об освобождении от уголовной ответственности в зарубежных странах континентальной европы // Академии права и управления. 2022. № 2. С. 20–23.
18. Епифанов А. Е. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве: история развития, понятие и правовая природа в отечественном и зарубежном уголовном процессе // Криминологический журнал. 2025. № 3. С. 57–62.
19. Иванова Е. В. Добровольный отказ от преступления в уголовном праве России и Китая // Правоведение. 2024. Т. 68. № 2. С. 213–225.
20. Кашпер А. А. К вопросу о правовых последствиях освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Закон и право. 2025. № 8. С. 171–175.
21. Омелин В. Н. Дискуссионные вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. 2023. № 12. С. 248–251.
22. Балафендиев А. М., Халилов Р. Н., Рыбушкин Н. Н. Меры уголовно-правового воздействия в нормах УК РФ, регламентирующих возмещение вреда, причинённого преступлением // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 1. С. 55–60.

REFERENCES

1. Savin, P. T. (2021). On a Positive Start in Criminal Law. In: *Law and Practice*, 3, 43–48 (in Russ.).
2. Bryukhnov, A. A., Napkhanenko, I. P. & Safonov, G. I. (2024). On the Possibility of Applying Active Repentance. In: *Philosophy of Law*, 2, 123–129 (in Russ.).
3. Zhiron, R. M. (2022). The Legal Nature of Active Remorse. In: *Public Service and Personnel*, 1, 178–180 (in Russ.).
4. Tarasov, V. Yu. (2022). Active Repentance as a General Prerequisite for the Ground Formation for Exemption from Criminal Liability. In: *Bulletin of the Academy of Law and Management*, 1, 37–43 (in Russ.).
5. Ovsyannikov, I. V. (2023). Imperfection of the Institution of Exemption from Criminal Liability Significantly Complicates Law Enforcement. In: *Criminalist*, 1, 22–27 (in Russ.).
6. Bordakova, A. G. (2025). Improvement of the Institution of Exemption from Criminal Liability in Connection with Active Repentance in the Context of Differentiation of Criminal Liability. In: *Issues of Russian and International Law*, 15 (4A), 318–327 (in Russ.).
7. Badalyanz, E. Yu. & Maltseva, S. N. (2022). Active Repentance: Legal Nature and Criminal Legal Characteristics. In: *Journal of Legal Sciences*, 2, 30–36 (in Russ.).
8. Kashper, A. A. (2025). Criminal Law Characterization of Positive Post-Criminal Behavior of a Person as a Basis for Applying Exemption from Criminal Liability in Connection with Active Repentance. In: *Public Service and Personnel*, 3, 182–187 (in Russ.).
9. Antonov, A. G. (2024). New Basis for Exemption From Criminal Liability as a Type of Active Repentance. In: *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 4, 15–21 (in Russ.).
10. Balafendiev, A. M. (2021). Active Repentance as a Basis for Differentiation of Responsibility and a Measure of Criminal Law Impact. In: *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatischev*, 1 (2), 174–182 (in Russ.).
11. Tarasova, E. V. (2024). Public Danger and Exemption from Criminal Liability in Connection with Compensation for Damage. In: *Russian Law: Education, Practice, Researches*, 5, 58–65 (in Russ.).
12. Gafurova, E. R. (2023). Special Types of Exemption from Criminal Liability: Ratio with Active Repentance. In: *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 33 (1), 110–118 (in Russ.).
13. Dadyukova, M. N. (2025). Voluntary Refusal and Active Repentance for Single and Complex Single Crimes. In: *Bulletin of Science and Creativity*, 6, 5–9 (in Russ.).
14. Kochoi, S. M. (2024). Active Repentance and Voluntary Refusal in the Notes to the Articles of the Criminal Code of the Russian Federation on Terrorist Crimes: Reasons for Application. In: *Lex Russica*, 77 (6), 69–82 (in Russ.).

15. Turov, S. Yu. (2025). Legal and Theoretical Aspects of Criminal Case Termination and Criminal Prosecution on Non-Rehabilitating Reasons in Proceedings on the Use of Compulsory Medical Measures. In: *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 35 (2), 330–340. DOI: 10.35634/2412-9593-2025-35-2-330-340 (in Russ.).
16. Saytbekov, A. M. (2025). Exemption From Criminal Liability in Connection with Active Repentance: Theoretical and Practical Aspects. In: *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2, 152–156. DOI: 10.24412/2073-0454-2025-2-152-156 (in Russ.).
17. Glazkova, L. V. & Bunina, A. F. (2022). Legislation on Exemption from Criminal Liability in Foreign Countries of Continental Europe. In: *Academy of Law and Management*, 2, 20–23 (in Russ.).
18. Epifanov, A. E. (2025). Institute of Pre-trial Cooperation Agreement: History of Development, Concept and Legal Nature in Domestic and Foreign Criminal Proceedings. In: *Criminological Journal*, 3, 57–62 (in Russ.).
19. Ivanova, E. V. (2024). Voluntary Refusal of a Crime in the Criminal Law of Russia and China. In: *Pravovedenie*, 68 (2), 213–225 (in Russ.).
20. Kashper, A. A. (2025). On the Legal Consequences of Exemption from Criminal Liability in Connection with Active Repentance. In: *Law and Legislation*, 8, 171–175 (in Russ.).
21. Omelin, V. N. (2023). Discussion Issues of Exemption from Criminal Liability of Persons Assisting Bodies Carrying Out Operational-search Activities. In: *Law and Legislation*, 12, 248–251 (in Russ.).
22. Balafendiev, A. M., Khalilov, R. N. & Rybushkin, N. N. (2021). Measures of Criminal Legal Influence in the Norms of the Criminal Code of the Russian Federation Governing Compensation for Harm Caused by a Crime. In: *Review of Economy, Law and Sociology*, 1, 55–60 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тетерин Сергей Михайлович (г. Москва) – аспирант кафедры уголовного права Государственного университета просвещения;

ORCID:0009-0001-7802-6433; e-mail: teterinadvokat@mail.ru

Мерзлякова Валерия Анатольевна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Государственного университета просвещения;

ORCID:0009-0004-7388-9194; e-mail: vmerzlyakova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey M. Teterin (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Federal State University of Education;

ORCID:0009-0001-7802-6433; e-mail: teterinadvokat@mail.ru

Valeria A. Merzlyakova (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

ORCID:0009-0004-7388-9194; e-mail: vmerzlyakova@mail.ru

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2025. № 3

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.lawmgoujournal.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 4, уч.-изд. л. 5.
Подписано в печать: 22.12.2025 г. Дата выхода в свет: 26.12.2025 г. Заказ № 2025/12-41.
Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А